

Ольвия Лейк

16+

*Госпожа
Діджвотер-холла*
ИЛИ
ТАЙНЫ ДОМА У ВОДЫ

Оливия Лейк

**Госпожа Эйджвотер-холла,
или Тайны дома у воды**

«Автор»

2017

Оливия Лейк

Госпожа Эйджвотер-холла, или Тайны дома у воды / Оливия Лейк — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-99212-2

Непредсказуемая судьба и трагическая случайность свели американскую журналистку Габриэllu Хилл с загадочным английским коллекционером Захарией Денвером. Чем обернется для нее поездка в самое волшебное и сказочное графство Британии? И всегда ли у волшебства приятное послевкусие? Корнуолл. Старинное поместье. Легенды и слухи. Интриги и тайны. Страсть и безумие.

ISBN 978-5-532-99212-2

© Оливия Лейк, 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Тайна бриллианта Ибелин	5
Глава 2. Неслучайные случайности	10
Глава 3. Знакомство с Британией	16
Глава 4. Эйджвотер-Холл	20
Глава 5. Правда за правду, или провокационная сделка	25
Глава 6. Вы говорите – я записываю...	30
Глава 7. Откровенность за откровенность	37
Глава 8. Скромный светский раут	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Оливия Лейк

Госпожа Эйджвотер-холла, или Тайны дома у воды

Глава 1. Тайна бриллианта Ибелин

Сырой осенний вечер давно опустился на город, окутав все вокруг влажной белесой дымкой, но на темном застывшем небе не вспыхнуло ни единой звезды – с самого утра грязно-серые тучи затянули голубую гладь до самого горизонта. Мелкий моросящий дождь монотонно отбивал дробь о крыши домов, оседая прозрачной водяной рябью на стеклах витрин и витражах зданий. Поздняя осень в Чикаго всегда отличалась блеклостью и однообразием: она скрадывала краски, накрывая все невзрачным плащом уныния и невыразительности, а промозглый ветер заставлял прохожих выше поднимать воротники и кутаться в теплые вязаные шарфы.

Габриэлла вышла из машины и плотнее запахнула черное твидовое пальто. Свободных парковочных мест возле антикварной лавки, в которую она старалась попасть до закрытия, увы, не оказалось, и теперь нужно успеть за рекордно короткое время преодолеть расстояние в два квартала. Ни погода, ни туфли на высоких каблуках к этому не располагали. Обреченно вздохнув, Габриэлла тряхнула волосами, в которых похозяйничал навязчивый дождь, осыпав черные пряди влажным бисером, и, перепрыгнув через лужу, побежала по ярко освещенному тротуару.

– Магазин уже закрыт, мэм, – оторвавшись от монитора компьютера, произнесла седовласая женщина в широких роговых очках.

– Я знаю, извините, но у меня назначена встреча с мистером Митчеллом, – пытаюсь восстановить дыхание, проговорила Габриэлла.

Строгая дама цепко осмотрела ее и подняла трубку старинного и явно очень дорогого телефона. Аппарат был будто высечен из цельного куска малахита и украшен золочеными кокетливыми вензелями, а в тусклом свете настольной лампы казался вырванным из какого-то модного салона середины тридцатых годов прошлого века. Пока женщина набирала на круглом циферблате номер, Габриэлла блуждала взглядом по представленному в магазине товару. Основное освещение было давно погашено, и ей приходилось изрядно напрягать зрение, рассматривая, что находится чуть дальше круга света, который давала небольшая лампа, стоявшая на прилавке. Изящные предметы интерьера, мебель и посуда, картины и статуэтки, тонкий фарфор и венецианский хрусталь – малая толика антикварного достояния, находящегося под этой крышей. Старинные вещи, наполненные историей и закаленные временем в полумраке помещения, приобрели неясные смутные очертания и, казалось, пропитались мистическим духом прошлого.

– Мистер Митчелл, некая молодая леди утверждает, что у вас назначена встреча. Имя? Мисс... – Она чуть повысила голос, привлекая внимание Габриэллы, и выжидающе подняла бровь.

– Хилл, Габриэлла Хилл.

– Габриэлла Хилл, – повторила она. – Да, хорошо. – Женщина повесила трубку и обратила все свое внимание на гостью.

– Мисс Хилл, я провожу вас к мистеру Митчеллу.

Они вместе прошли к небольшому коридорчику, и Мария – так представилась строгая дама с забранными в пучок седыми волосами, – включив свет, знаком показала Габриэлле следовать за ней. Узкая винтовая лестница, устланная ковром цвета спелой вишни, уходила на

второй этаж и буквально упиралась в темно-коричневую массивную дверь. Ловко для своего возраста преодолев ступени, Мария тихонько постучала и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь.

– Мистер Митчелл, ваша гостя. – Она указала на вошедшую следом Габриэлле.

– Самюэль Митчелл – приятно познакомиться лично. – Он вышел из-за стола и протянул ей руку.

Габриэлла быстро пробежалась взглядом по кабинету, встречаясь глазами с невысоким импозантным мужчиной чуть за шестьдесят.

– Мистер Митчелл, извините, что несколько опоздала, – пожав сухую твердую ладонь, проговорила она. – В этом городе машин больше, чем людей!

– Не извиняйтесь, – махнул он и обратился к замершей возле двери Марии: – Сделай нам, пожалуйста, кофе и можешь быть свободна. – Самюэль помог Габриэлле удобно устроиться в обтянутом кожей тяжелом кресле и, обойдя письменный стол, опустился напротив. – Итак, мисс Хилл, чем могу быть полезен?

– Мистер Митчелл, я журналист, работаю в «Чикаго Трибьюн».

– Это мне известно, но вряд ли вы пишете статью по моему профилю, – взяв ручку со стола и сделав пометку в толстом блокноте, заметил Самюэль.

– О нет, у газеты немного другой профиль. Мистер Митчелл, я на некоторое время решила оставить журналистику. Я пишу книгу, и мне необходима ваша помощь.

– И о чем же будет ваша книга? – заинтересованно спросил Самюэль.

– О драгоценных камнях, редких вещах, предметах искусства и культа, и все это глазами современных ценителей, коллекционеров, эстетов.

– Хм... – задумчиво потер подбородок Самюэль. – Признаюсь, мисс Хилл, вы меня удивили. Согласитесь, тема весьма нетривиальная, я бы даже сказал, неожиданная для столь молодой леди. – Он помолчал. – Позвольте спросить: откуда такой интерес?

– Ну, леди не такая уж и молодая, – рассмеялась Габриэлла. – Но вы правы, тема действительно нетипичная. Обычно наш брат пишет о политике и обо всем, что с ней хоть как-то связано, но мной двигают исключительно личные мотивы. Отец всю свою жизнь увлекался работой с камнем. Он не занимался этим профессионально, был скорее любителем, но этим делом горел. С годами его интересы ширились, обретали новые формы и пристрастия. Папа начал всерьез коллекционировать антиквариат – в нашем доме всегда было полно разных старинных вещей. Они не были особо ценными, но были уникальны в своем роде, и для него они были бесценны...

Она прервалась, заново перебирая в памяти детали давно ушедшего прошлого, и тоска по нему незримой темной вуалью скользнула по лицу, похитив с него все яркие краски, делая выразительные черты более утонченными, но менее привлекательными.

– Папа планировал когда-нибудь написать книгу, в которой будут собраны увлекательные истории об уникальных вещах. Он не хотел создавать еще один учебник или справочник, каких много. Эта книга должна была быть рассказана живыми людьми, которые посвятили любимому делу всю жизнь. Книга об их романе с искусством. – Услышав легкий стук в дверь, Габриэлла взяла паузу, молча наблюдая, как Мария чинно подошла к столу и принялась расставлять элегантный кофейный сервиз. По комнате тут же поплыл терпкий аромат свежесваренного кофе.

– Спасибо, Мария, доброй ночи, – поблагодарил ее Самюэль и сделал большой глоток из изящной маленькой чашечки.

– Я закрою магазин и ключ оставлю в замке, а сама выйду через заднюю дверь, – предупредила она. – Доброй ночи, сэр, мисс

– Мисс Хилл? – Самюэль Митчелл с вежливым интересом посмотрел на нее, приглашая возобновить разговор.

– Он не успел исполнить свою мечту. Сердечный приступ. – Габриэлла на мгновение прикрыла глаза. Смерть отца стала для тяжелым потрясением и даже через столько лет отзывалась ноющей болью в области сердца.

– Соболезную, мисс Хилл.

– Спасибо, – вымученно улыбнувшись, ответила она, – и пожалуйста, называйте меня Габриэлла.

– Ну что же, Габриэлла, я считаю, что страсть – величайший двигатель человечества! Плохой или хороший, – с философской ноткой продолжил он, – это не имеет значения. Главное, чтобы жизнь человека не сводилась к банальному существованию для галочки или по инерции. Страсть была в вашем отце, и я вижу ее в вас. Что вы хотите знать?

– Как можно больше, – тактично и спокойно произнесла она. Хотя в душе, не сдерживая эмоций, ликовала и даже пустилась в пляс от такой удачи. – Как начинался ваш путь на этой стезе, с какими трудностями или препятствиями вы, возможно, сталкивались, и, конечно же, что считаете жемчужиной своей коллекции?

Мистер Митчелл тонко улыбнулся, а Габриэлла, включив диктофон, поставила его на лакированную поверхность письменного стола и вся обратилась в слух.

Когда Самюэль прервался, чтобы промочить пересохшее горло, большие настенные часы в деревянном футляре пробили двенадцать раз, и изящные золоченные стрелки, точно вторя им, остановились на той же цифре. Полночь.

– Да, Габриэлла, все те вещи, что вы видели внизу – подлинные. Это действительно редкие и дорогостоящие предметы, но по-настоящему уникальные произведения искусства не продаются в антикварной лавке, в этом вы правы. А жемчужиной моей частной коллекции, – он немного наклонился и, поколдовав над сейфом, который был тщательно скрыт от посторонних глаз, извлек бархатный мешочек, – по праву считается вот это!

Огромный голубой бриллиант, заключенный в изысканную золотую оправу, засиял множеством граней, а его необычная, неправильная форма одарила камень только ему свойственной изюминкой и неповторимостью, сделав еще более притягательным и желанным для любого ценителя прекрасного. Габриэлла замерла в восхищении. Она и представить не могла, что такое невероятное украшение будет находиться в нескольких дюймах от нее. Глядя на него, она ощутила непреодолимую тягу дотронуться, почувствовать пальцами твердость породы, но невероятным усилием воли подавила этот несвойственный ей порыв и вопросительно посмотрела на Самюэля.

– Это один из осколков бриллианта Ибелин, – предвосхитив готовый сорваться вопрос, произнес Самюэль. – Габриэлла, вам известно, с чего началось падение Ордена Тамплиеров?

– Конечно, с судебного процесса во Франции и последующей казни через сожжение Великого магистра и его ближайших соратников.

Подтвердив кивком ее слова, Митчелл заговорил:

– Все ценности Ордена и его представителей после вынесения приговора были конфискованы, включая молитвенник великого магистра Жака де Моле, инкрустированный огромным голубым бриллиантом, редчайшим по своей красоте и происхождению, привезенным из Святой земли. Легенда гласит: когда магистр, прокричав ужасные проклятия, начал задыхаться от поднявшегося дыма, а огонь перекинулся на его рясу и лицо, бриллиант в молитвеннике раскололся на три неровные части, символизируя тем самым три божественных заповеди, которые нарушил король Франции: не убивай; не произноси ложного свидетельства на ближнего своего; не желай дома ближнего своего и благ его.

– И вы хотите сказать, что этот камень – часть целого, того самого бриллианта? Но как? Как такая ценная вещь оказалась у вас, мистер Митчелл? Почему он не находится в Лувре? – Отодвинув от себя давно остывший кофе, Габриэлла с немалой долей скептицизма осмотрела камень и подняла глаза на Самюэля, ожидая ответа.

– Дорогая Габриэлла, не все подлинные шедевры находятся в государственных музеях и королевских дворцах. Много поистине редких и исключительных вещей нашли пристанище в частных коллекциях. А этот осколок за свою более чем семисотлетнюю историю много, где побывал и сменил не одного хозяина. После казни Филипп Красивый велел избавиться от камня и молитвенника, судьбу последнего, кстати, современным историкам не удалось проследить, его след затерялся где-то в семнадцатом веке. А бриллиант торжественно нес свой изъяс, как печать своего первого хозяина. – Митчелл взял кольцо и указал на изломленный край. – Видите, как преломляется свет в месте разлома и можно заглянуть вглубь камня, в самое сердце? – Самюэль замолчал, продолжая рассматривать сердцевину камня, пока звук клаксона, донесшийся с улицы, не вернул его в реальность, разбавив магическую тишину, окутавшую полутемный кабинет, привычными звуками.

– Этот осколок сменил множество хозяев: Карл Валуа владел им до смерти своего ценного брата, но после – решил продать, уверовав в страшное проклятие Великого магистра; русский князь – богатый и влиятельный, приближенный к царю и сосланный за попытку совершить дворцовый переворот в Сибирь; еврейский банкир-ростовщик, которому было плевать на историческую ценность бриллианта, его волновала только прибыль, полученная от продажи... Вот только некоторые из списка владельцев. В начале девятнадцатого века бриллиант снова оказался в Париже, у моего предка. Через несколько лет он решил оставить Наполеоновскую Францию и осесть в Америке. Моя семья уже более двухсот лет владеет этой реликвией. – Самюэль взял в руки кольцо и надел на безымянный палец. – Некий искусный ювелир вставил его в оправу, но не умалил этим его достоинство, а только подчеркнул изящество и первозданную красоту. Это кольцо скорее экспонат, чем украшение, которое можно носить, но здесь, среди всех этих старинных вещей меня особенно остро одолевает желание надеть его и ощутить дух прошлого, прочувствовать кожей невероятные судьбы великих людей.

– Мистер Митчелл, а о судьбе остальных двух частей бриллианта что-нибудь известно?

– Хм, я могу только догадываться об этом, не все частные коллекционеры спешат делиться своими новыми приобретениями, но камни не затерялись во времени, если вас интересует именно это. И многие из этих современных ценителей готовы заплатить целое состояние, чтобы иметь возможность соединить все три части, но... – Самюэль развел руками и бросил взгляд на наручные часы.

– А вы, мистер Митчелл, когда-нибудь получали предложения о продаже? – Несмотря на позднее время, Габриэлла не прекращала задавать вопросы, желая из первых уст узнать все об этой истории.

– О да! Есть один очень настойчивый джентльмен, предлагавший, и не раз, баснословную сумму! – воскликнул он и не удержавшись, бросил взгляд на гладкую дорожную визитку, оставленную на его столе.

– И вас это предложение не соблазнило?

– Нет! – твердо ответил Митчелл. – И не только потому что этот камень много значит для истории моей семьи. Не забывайте, Габриэлла, это проклятый, кровавый камень. Пожар, который разгорелся во Франции, перекинулся на весь континент. Орден Рыцарей Храма уничтожили огнем и мечом, столько жестоких смертей, сломанных искалеченных жизней... И все это в угоду неумной алчности ненасытных правителей, желавших обогатиться за счет процветавшего Ордена! Я считаю, что этому бриллианту не нужно возвращать первозданный вид, пусть этот разлом будет символом и памятью о жестоких страницах мировой истории. На этом, я думаю, мы закончим на сегодня.

– Это потрясающая история, и, признаюсь, она стала для меня открытием. Мистер Митчелл, надеюсь, вы позволите сделать несколько снимков вашей части бриллианта для иллюстраций книги?

– Почему нет! Сегодня для этого уже поздно, а вот завтра – милости прошу. По воскресеньям магазин открывается во второй половине дня, но я буду здесь часов с девяти. Если вы свободны утром, то приходите, сможете спокойно сделать фотографии и осмотреться: в моей антикварной лавке много ценных вещей с богатой историей.

– Спасибо, мистер Митчелл! И за помощь, и за приятную беседу. – Габриэлла поднялась из уютного кожаного кресла и протянула ему тонкую ладонь. Самюэль встал и принял ее, но не пожал, как в начале вечера, а легонько коснулся губами кончиков пальцев. Они вместе направились в сторону двери, но, практически переступив порог, Габриэлла остановилась и повернулась к идущему следом Самюэлю. – Позвольте задать последний вопрос? – Он кивнул. – Кто этот настойчивый джентльмен, предлагавший продать бриллиант?

Самюэль в ответ лишь загадочно улыбнулся. Ему понравилась мисс Хилл, но называть имена известных и влиятельных людей, которые, возможно, не желают иметь дело с прессой, было не в его правилах.

Габриэлла подчеркнуто разочарованно вздохнула, но звонкая трель телефонного аппарата избавила Самюэля от какого-либо объяснения своего молчаливого отказа.

– До завтра, Габриэлла, – проговорил он, поднимая трубку.

– До свидания, мистер Митчелл, – ответила она и вышла в коридор.

– Алло, Митчелл слушает. – Телефон молчал, а длинные гудки оповестили мужчину, что ответа он уже не дождется.

Глава 2. Неслучайные случайности

Дождь, который непрерывно шел последние три дня, наконец закончился. Темные голые деревья отбрасывали косые тени на узкую полоску тротуара и угрюмо отражались в серых, затянутых изморозью лужах. Туман сизыми хлопьями цеплялся за тонкие скрюченные ветки и медленно опускался на продрогшую землю. Одинокий серп нарождающейся луны светил скупо и горестно, навевая еще большую тоску на одинокую фигуру, застывшую у большого окна тускло освещенного жилого небоскреба.

Ночь давно перевалила за свою магическую половину, а Габриэлла так и не смогла сомкнуть глаз. Последние несколько дней превратились в сущий кошмар, а назойливые, настырные мысли не давали покоя даже во сне. Тогда она отбрасывала всякие попытки уснуть и снова прокручивала в голове недавние события. Она никак не могла понять, что ее так смущает и что, возможно, она упустила? Какая-то тонкая ниточка постоянно ускользала от нее, оставаясь невидимой, но не оставляя в покое.

Габриэлла вспомнила, как сумрачным дождливым утром торопилась в магазин Митчелла. Ей хотелось поскорее закончить с фотографиями и посвятить весь оставшийся воскресный день расшифровке записей. А что сейчас? Сейчас она не в силах даже просто прослушать запись. В профессии приходилось сталкиваться с разного рода преступлениями, но освещать смерть незнакомого человека – это одно, а смерть человека, которого ты знала, пускай и весьма короткое время – это другое.

На следующее утро после беседы с мистером Митчеллом Габриэлла, как и было условлено, пришла в антикварную лавку. Не обнаружив никаких следов присутствия хозяина, направилась в его кабинет. Самюэль лежал головой на первой ступеньке, с неестественно вывернутой шеей и посеревшим лицом. Проверять пульс было бессмысленно, но Габриэлла все же наклонилась к нему и, окончательно убедившись, что мистер Митчелл мертв, вызвала полицию.

А следом понеслись бесконечные допросы. В эти дни Габриэлла чувствовала себя попугаем, который без конца повторяет одно и то же. У нее конфисковали диктофон и сделанные записи, но сегодня вызвали в участок и вернули все вещи. Вердикт был вынесен: несчастный случай. Самюэль Митчелл страдал тяжелой формой астмы, и, вероятно, его одолел очередной приступ, когда он спускался по лестнице. Такова была официальная версия произошедшего. Джорджи Клинт – судмедэксперт, занимавшийся этим делом, а по совместительству бойфренд одной хорошей знакомой – позволил одним глазком взглянуть на заключение патологоанатома. Вскрытие показало сильное воспаление и закупорку нижних дыхательных путей, значит, все верно, и это действительно трагическая случайность.

– Был человек и нет человека... – задумчиво прошептала Габриэлла. Она крепче обхватила большую кружку с кофе и сделала небольшой глоток.

Взглянув в последний раз на тоскливый пейзаж за окном, отошла к дивану и, забравшись на него с ногами, посмотрела на светящийся монитор ноутбука. Красивый светловолосый мужчина смотрел на нее с той стороны экрана. Он улыбался одними уголками губ, но до глаз эта улыбка не дошла: они оставались холодными и отчужденными. Захария Денвер. Именно это имя было выбито на гладкой дорожкой визитке, зажатой в руке покойного Самюэля Митчелла.

Когда Габриэлла опустила проверить пульс, то увидела белый уголок, выглядывавший из крепко сжатой мужской руки. Она знала, что нельзя, что это улика, но все-таки развела успевшие окоченеть пальцы. Имя сразу же бросилось ей в глаза. Когда она искала людей, способных помочь с написанием книги, оно не раз всплывало в сети, но встретиться или как-то связаться с мистером Денвером не представлялось возможным. Ни минуты не сомневаясь, она быстро достала телефон и сделала снимок визитки. И благодаря этому у Габриэллы был сейчас его личный телефон и электронная почта, но звонить ему она не торопилась.

Все свое свободное время она только и делала, что разглядывала его фотографии, искала информацию, старалась узнать как можно больше. Но все эти попытки оставались бесплодными, разбиваясь о жесткую цензуру, которой, вне сомнения, подвергались все статьи о таинственном англичанине. У нее даже заломило зубы от досады! Вся имеющаяся в свободном доступе информация были весьма обобщенной и гладко вылизанной. Такой очень приятной, обтекаемой формы, но абсолютно пустой: без острых углов и резких поворотов. Вот и сейчас Габриэлла снова смотрела в холодные голубые глаза в несбыточной надежде проникнуть глубже, под кожу, заглянуть в самую суть этого мужчины.

Габриэлла устало потеряла виски, переключая внимание со снимка на статью под ним. Она бегло пробежала по ней глазами: английский бизнесмен, после смерти отца стал полноправным владельцем крупнейшего аукционного дома «Мартис», коллекционер предметов искусства и редких драгоценностей. Его личная коллекция насчитывала более двух тысяч единиц ценнейших экспонатов. Филантроп, профессионально занимается ювелирным делом. Ничего принципиально нового из написанного Габриэлла не узнала. Обычный набор голых фактов и никакой конкретики, хотя ювелирное дело – это интересно. Значит, любовь к прекрасному не ограничилась только собирательством? Если такой человек сам берет в руки инструменты, то его увлечение драгоценностями уже не просто увлечение, это страсть, а люди, обуреваемые страстями, на многое способны.

– Кто же ты на самом деле, Захария Денвер? – у пустой комнаты и застывшей на экране фотографии спросила Габриэлла, но ответа, естественно, не получила.

Габриэлла ненавидела похороны. Похороны – это всегда чья-то скорбь, боль и слезы. И даже если ты плохо знаком с умершим или не очень жаловал его при жизни, на похоронах ты все равно испытываешь то щемящее чувство страдания, которым пропитано все вокруг. Потому что человек уходит навсегда, оставляя своим родным только воспоминания, но и они не вечны: со временем образы истончаются, лица стираются из памяти, а боль утихает. К смерти невозможно подготовиться, ее нельзя предугадать, люди умирают – это закон жизни. А живым, оставалось лишь проводить их в последний путь и отдать заключительные почести.

Стоя под холодным ноябрьским солнцем, Габриэлла то и дело ежилась от холода – темное пальто, наброшенное на традиционное черное платье, не спасало от сильного ветра. А вот широкие солнечные очки прекрасно справлялись со своей задачей, защищая глаза от летящих в лицо мелких крупинок. В очередной раз вытащив каблук из влажной почвы и переступив с ноги на ногу в поисках более устойчивого места, Габриэлла перевела взгляд на скорбящих. Много людей собралось почтить Самюэля Митчелла. Здесь были как солидные мужчины в дорогих костюмах, так и скромно одетые юноши. Роскошные женщины в широкополых шляпах с черной вуалью и почтенные матроны вроде Марии. Все держали в руках цветы, но доминировали среди них хризантемы. И почему на кладбище приносят именно их?..

Когда священник закончил траурную речь, началось прощание. Габриэлла положила на гроб одинокую красную розу и осмотрелась. Люди, негромко переговариваясь, стали расходиться и рассаживаться по машинам. На лицах некоторых отпечаталась мрачная сдержанность, а кто-то выбрал маску сосредоточенного спокойствия, и лишь немногие открыто скорбели.

Она медленно шла за движущейся к выходу разношерстной публикой, то и дело кидая по сторонам заинтересованные взгляды. Так продолжалось несколько минут пока глаза не остановились на высокой фигуре в дорогом черном костюме с небрежно наброшенным на плечи длинным пальто. Габриэлла даже сняла очки, чтобы удостовериться, что зрение не подводит ее. Красивый блондин пожимал руку какому-то пожилому представителю мужчине. Яркие голубые глаза светились на породистом лице и смотрели на все происходящее с дежурной вежливостью, но как-то отстраненно и даже свысока. Нет, сомнений быть не может, перед ней был Захария Денвер.

– А вот это уже интересно! – себе под нос пробубнила Габриэлла и поспешила в его сторону.

– Мистер Денвер?! – приблизившись к нему на расстояние вытянутой руки, позвала она. Мужчина повернулся.

– Прошу прощения, мы знакомы? – Глаза пустые, ему плевать, кто она такая. Абсолютно не заинтересован.

– Нет, не знакомы. – Габриэлла показала ему свою пресс-карту в качестве официального представления.

– Я не даю интервью. – Он скользнул по ней взглядом и отвернулся

– А кто сказал, что я хочу взять у вас интервью?! – Сказано нагло и самонадеянно, но с такими по-другому нельзя. Один раз спасуешь, дашь слабину, и они, наградив сухим взглядом, перешагнут через тебя, как через крохотную лужицу или банановую кожуру. А сейчас есть вероятность, что он захочет послушать, что ему скажет дерзкая нахалка.

Он на мгновение замер, но уже через секунду повернулся. Взгляд внимательный, только сейчас он ее по-настоящему заметил. Смотрит, как на букашку, но прихлопнуть не торопится, хочет разглядеть, что у нее под крылышками.

Через десять минут они уже сидели в уютном итальянском кафе и ожидали заказанный эспрессо. Захария Денвер, сложив руки на груди, молча сверлил Габриэлле тяжелым изучающим взглядом. Обычно он взаимодействовал с прессой только в контексте своей профессиональной деятельности и практически никогда не делился сведениями о личной жизни, только если это было удобно или выгодно ему самому. И для этой американской писачки не собирался делать исключений, но послушать ее было любопытно.

Захария чуть склонил голову набок, окинув ее взглядом. Вполне привлекательная молодая женщина, но не настолько, чтобы он обратил внимание. Подтянутая фигурка, черные волосы до плеч, чуть вздернутый нос – он с легкостью мог бы отнести ее красоту в разряд традиционной и не особо выделяющейся, если бы не глаза. Большие, ясные, насыщенного темно-серого цвета. Взгляд внимательный, прямой, цепкий, но без вызова, за которым часто прячут свою неуверенность слабые люди. Да и весь ее облик, манера держаться выражали крайнюю уверенность в себе, что делало ее интересней и несомненно интриговало. Когда официантка поставила перед ними кофе и отошла от столика, он заговорил:

– Итак, мисс Хилл, надеюсь, у вашей наглости есть достойное оправдание?

– Как погода в Лондоне? – искренне полюбопытствовала она. Габриэлла решила пройтись по краю пропасти и надеялась не сорваться.

Его глаза сузились, а голос стал резче.

– Отвратительно! Это все, о чем вы хотели поговорить?

– Наверное, это ужасно: приехать в Чикаго и оказаться на похоронах друга, – не обращая внимания на растущее вокруг напряжение, с преувеличенным спокойствием констатировала Габриэлла. – Вы же были друзьями с мистером Митчеллом?

Странно, но сработало. Захария Денвер перестал ежeminутно кидать взгляды на часы и смотрел теперь чуть более заинтересованно.

– Вряд ли нас можно было назвать друзьями, иногда встречались по общему роду деятельности. А по какой причине вы задаете мне этот вопрос? Неужели в Штатах так мало платят журналистам, что вы стали подрабатывать в полиции?

«То ли иронизирует, то ли действительно интересуется», – подумала Габриэлла и, улыбувшись, решила оставить выпад без ответа.

– Самюэль, – она подчеркнуто по-дружески назвала мистера Митчелла, – помогал мне с написанием книги, много рассказывал историй: о редких камнях, об интересных людях.

Габриэлла намеренно приукрасила действительность: пусть думает, что они с покойным Митчеллом были на короткой ноге, и что сама Габриэлла знает больше, чем есть на самом деле.

– Это я нашла его тело.

Захария слегка вздернул бровь и, отпив немного кофе, сказал:

– Сочувствую.

– Я краем уха слышала, что вас тоже вызывали в полицию. Что-то там насчет вашей визитки, – делая вид, что пытается вспомнить детали, задумчиво проговорила Габриэлла. Ничего подобного она, конечно же, не слышала. Она вообще понятия не имела, что таинственный мистер Денвер находится в Чикаго. Но зная о такой немаловажной составляющей, как визитка в руке покойника, дальнейший механизм действия властей предугадать не составило труда.

– Пока, мисс Хилл, вы не сказали мне ничего принципиально нового. Все это я уже слышал в полиции. Также мне сказали, что его смерть – несчастный случай.

– А вам говорили в полиции, что некий джентльмен весьма настойчиво предлагал мистеру Митчеллу продать очень редкий бриллиант? Вы ведь джентльмен, мистер Денвер?

У него была железная выдержка, но Габриэлла следила и заметила. Что-то неуловимое проскользнуло в его глазах. Они на долю секунды вспыхнули голубым огнем и сразу же приняли выражение абсолютной непроницаемости.

– О чем ваша книга, мисс Хилл? – меняя тему, спросил Захария. Его поза расслабилась, а в глазах появилось любопытство, но такое же ленивое и небрежное, как и улыбка, изогнувшая тонкие губы.

«Пробуете свое обаяние, мистер Денвер? Ну-ну», – подумала Габриэлла, а вслух произнесла:

– О предметах искусства, антиквариате, редких драгоценностях и, конечно же, о людях. Мистер Денвер, утолите мое любопытство: вы владеете одним из осколков бриллианта Ибелин?

– Мисс Хилл, у меня скоро самолет, и я, к сожалению, не могу продолжить нашу занимательную беседу. Но меня очень заинтересовала... тема вашей книги. – Захария взял со стола льняную салфетку и, достав из внутреннего кармана пиджака ручку, написал на ней адрес.

– Следующие три месяца я проведу в своем поместье на юго-западе Англии, в Корнуолле. Я приглашаю вас стать моей гостьей и записать мою историю, и, возможно, я отвечу на некоторые ваши вопросы, если вы, конечно же, ответите на мои.

Он подал ей салфетку и, бросив на стол пятидесятидолларовую банкноту, поднялся.

– И еще, мисс Хилл, мне нравятся смелые люди, но не испытывайте больше мое терпение на прочность, оно у меня не бесконечное. Всего доброго. – Захария Денвер перебросил пальто через руку и направился в сторону выхода.

Что это было? Совет? Предупреждение? Угроза? Габриэлла нахмурилась, но салфетку из рук не выпустила, задумчиво рассматривая размашистые закругленные буквы. Потом аккуратно свернула ее и заботливо положила на дно сумки.

Когда Габриэлла приехала в редакцию, стрелки часов пробили ровно шесть вечера – официальный конец рабочего дня, но только официальный. Возле Трибьюн Тауэр, в здании которого находился офис чикагского вестника, как всегда толпились неугомонные туристы. В очередной раз задев плечом одного из зевак, Габриэлла устало подмигнула свирепой горгулье, искусно вырезанной из камня и зорко охранявшей фасад здания, и побежала к закрывающемуся лифту.

Редакция была полупустой, но это совершенно не означало, что рабочий день закончился, и отсутствующие сотрудники отправились по домам. Большинство из них, наверняка, сейчас на выезде.

Габриэлла упала в кресло за рабочим столом и наконец перевела дыхание. Предложение мистера Денвера она обдумывала последние два дня, но обдумывала так, для проформы. Она бы никогда непустила такой шанс и мысленно согласилась мгновенно. Заявление об отпуске

за свой счет давно написано, намного раньше, чем произошел весь этот калейдоскоп невероятных и трагических событий.

Разочарование – вот истинная причина ее ухода, возможно, временного, но скорее всего она уже никогда сюда не вернется. Она всегда любила читать, погружаться с головой в вымышленный мир: радоваться и грустить, любить и ненавидеть, убивать и умирать вместе с героями. Потом начала писать. Так, небольшие истории, отражавшие ее собственные переживания, надежды и мечтания. С детства Габриэлла хотела стать писателем, книгами которого будут зачитываться миллионы, но время шло, менялись вкусы и приоритеты. Модные веяния под воздействием стали и на нее. Габриэлла стала журналисткой.

Она думала, что будет задавать едкие вопросы, выводить на чистую воду продажных политиков, но ее представления об этом мире оказались пустыми иллюзиями и разбились о жестокую суровую реальность. Никто и никогда не пустит в печать интервью с действительно важным публичным человеком, пока готовый материал не одобрит его пресс-агент. Вам не позволят ставить в неловкое положение даже самого жалкого и никчемного конгрессмена, постоянно обвиняемого в коррупции, потому что это подорвет светлый образ непоколебимого американского правительства. А телевизионные каналы, которые позиционируют себя как независимые, непременно контролируются государством. И думать иначе может только бесконечно наивный человек. Такой же наивный, каким была когда-то она, такой же наивный как тот, что придет на ее место. А теперь появилась возможность исполнить не только желание отца, но и воплотить в жизнь свою детскую мечту.

– С чего вдруг такая загадочность, Габи? – Редактор колонки новостей, Шейла де Янг, подошла к ее столу и присела на самый краешек. В ответ Габриэлла неопределенно пожала плечами. – Я звонила тебе пару раз, как прошли похороны?

– Как похороны. Помнишь, я рассказывала тебе про таинственного англичанина-коллекционера? – Шейла кивнула. – Я его встретила там, немного побеседовала, и он мне предложил помочь с книгой, но нужно ехать в Англию.

– И ты поедешь? – она спросила, но прекрасно знала ответ.

– Такой человек предлагает мне записать его историю, а ты спрашиваешь?!

– Такие люди никогда не делают ничего просто так, не забывай этого. Как он тебе? – Шейла была для нее как старшая сестра и даже после пяти лет совместной работы стажировала, наводила и направляла.

– Сложный. Такого нелегко прощупать, непонятно, когда серьезен, а когда насмехается, когда говорит правду, а когда лжет. Не знаю, как это объяснить, но что-то во всей этой истории меня смущает. – Габриэлла несколько раз щелкнула пальцами. – Все так чистенько и гладко, но мое чутье подсказывает: все не так просто!

– Разве смерть Митчелла не несчастный случай?

– О, нам ли с тобой не знать, что за несчастным случаем может стоять кто-нибудь совершенно не случайный.

– Подозреваешь англичанина? – В голосе Шейлы проступила та самая бульдожья хватка настоящего профессионала своего дела, ожидавшего порцию вкусных новостей.

– Нет... не знаю. Скорее всего никакого криминала в этой смерти нет, но точку во всей этой истории ставить безусловно рано. – Габриэлла устало покачала головой и сжала длинными пальцами пульсирующие виски.

«Я ведь даже не знаю, владеет ли он частью бриллианта... Зато точно знаю, что Самюэль Митчелл даже после смерти очень волнует мистера Денвера!» – Монолог Габриэлла вела исключительно внутренний, потому что больше была не намерена делиться новостями с Чикаго Трибьюн.

– Будь осторожна. – Шейла поднялась и пошла в сторону своего кабинета.

– Всегда! – крикнула ей в спину Габриэлла и открыла сайт авиа-кассы. Нужно забронировать билет до Лондона.

Глава 3. Знакомство с Британией

Лондон встретил Габриэллу затяжным, холодным и абсолютно беспросветным дождем. Понурые серые тучи висели низко, а город был затянут плотным густым туманом. Причесанные и тщательно уложенные в уборной аэропорта волосы поникли и в скором времени грозили обратиться в черные сосульки. Вздвигнув от пронизывающего холодного ветра, Габриэлла с тоской вспомнила о желанной, но такой нескорой весне и, подняв воротник пальто, пошла к стоянке такси.

Двенадцатичасовой перелет прошел без происшествий, если не считать пары внушительных воздушных ям и соседа-японца, который без конца смотрел аниме и бурно выражал восторг, восхищаясь происходящим на экране. Однако маска для сна и наушники с «Временами Года» Вивальди сделали свое дело – последние пять часов Габриэлла благополучно проспала.

Самолет приземлился в Хитроу ранним утром, и Габриэлла планировала немного прогуляться по городу, встретиться с бывшим однокурсником, перебравшимся сюда после университета. Но дождливых пейзажей и холодных обжигающих ветров хватало и на родине, да и что обманывать себя – ей до дрожи в коленках и ломоты в пальцах хотелось поскорее начать работу над еще одной главой своей книги, имя которой – Захария Денвер. Поэтому решено было не тратить время на прогулку, а взять напрокат машину и добраться до Корнуолла поскорее.

Взять автомобиль напрокат в любое время суток в таком мегаполисе, как Лондон, не было проблемой. Проблемой было найти машину, которая сможет безопасно провезти тебя по дорогам Англии пять-шесть часов. В салоне «Холидейкарс» предлагали сплошной антиквариат, рухлядь одним словом. Но шестьдесят минут препирательств с пожилым хозяином салона, кредитная карта и бесконечное обаяние помогли выбить двухлетний мерседес, выставленный на продажу. Через пятнадцать минут договор был подписан, навигатор настроен на нужный адрес, а лента дороги манила, уводя вдаль от загазованного Лондона.

Как ни странно, но преодолев сто миль по трассе в сторону графства, Габриэлла отметила, что погода заметно улучшилась. Небо по-прежнему было затянуто тучами, но уже не такими грозными, а дождь, так усердно поливавший Лондон, давно закончился. Автомобиль плавно скользил по ровному серому полотну, а за окном мелькали живописные картины. Пустынные узкие дороги, щедро усеянные красными листьями, и скоростные автобаны с неожиданными развилками, крутыми поворотами и арочными мостами, и пока еще зеленые луга, которые казались бескрайними и простирались на много миль вперед.

Когда Габриэлла оставила машину на парковке недалеко от центра Фоуи – небольшой деревушки на берегу Ла-Манша – была ровно середина дня. Поездка оказалась достаточно легкой и удивительно приятной. Времени оставалось предостаточно, поэтому Габриэлла решила обогнуть городок Полперро, в котором находилось поместье мистера Денвера, и посетить место, которое в свое время так очаровало и покорило знаменитую писательницу Дафну Дю Морье, что она не только воспела его в своих самых известных романах, но и осталась здесь навсегда: и в жизни, и в смерти.

В Корнуолле погода была в разы лучше, чем в сыром Лондоне. Небо хоть и было обильно усеяно облаками, но сквозь них то и дело проглядывал голубой небосклон, а солнце, находившееся в это время в самом зените, буквально пронизывало своими лучами бледно-серые тучи. Габриэлла прошла несколько улиц и, остановившись около букинистического магазина, залюбовалась здешними красотами. Узкие, мощенные камнем улочки то тянулись высоко вверх, то резко опускались вниз. Маленькие светлые дома с колоритными вывесками плотно подпирали друг друга. А вид, который открывался на уютную пристань, просто захватывал дух. Рыболовецкие лодки спокойно покачивались на волнах, ожидая своих хозяев, а швартовавшийся в это время огромный пассажирский лайнер рядом с ними казался поистине исполинским сооруже-

нием. Все вокруг дышало покоем и умиротворением, а свежий морской воздух наполнял легкие специфическими ароматами йода и рыбы.

Всю поездку Габриэлла размышляла о цели своего визита, анализировала имеющуюся информацию, пыталась составить мнение и нарисовать психологический портрет мужчины, к которому едет. И чем дальше она углублялась в Корнуолл, тем больше сомневалась в правильности своего решения. Ведь, по сути, она едет в дом к человеку, которого практически не знает и которому абсолютно не доверяет. Габриэлла, конечно, руководствовалась благими намерениями, но как раз-таки ими и выслана дорога в ад! Но что сделано, то сделано. Да и мистер Денвер на обитателя чистилища не похож. Она вспомнила его, сдержанного, немного высокомерного и не сдержала улыбки. «Да, не демон, но и далеко не ангел!»

Габриэлла осмотрела причудливую ручку в виде золотой рыбки и открыла дверь в магазин, вывеска на котором гласила: «Букинистическая лавка Уильямса». Здесь было тепло, чуть пыльно и приятно пахло книгами. Лавка больше походила на старую библиотеку, чем на современный магазин, но была совершенно очаровательной. В такие места хотелось не просто забежать, купить, что-то необходимо и уйти. В них возникало желание побродить вдоль стеллажей, провести пальцами по корешкам книг, открыть пожелтевший роман Диккенса, осторожно коснуться рукой ветхого издания и вдохнуть запах старой бумаги.

– Добрый день, мэм, вам помочь? – вынырнув из-под прилавка, спросила совсем юная девушка.

– Здравствуйте. – Габриэлла слегка растерялась. В лавке было так тихо, что она совершенно забыла, что не одна здесь, да и не сразу смогла вспомнить, зачем вообще зашла в магазин. – Мне нужен путеводитель по Корнуоллу и карта Полперро.

Девушка смущенно улыбнулась и снова нырнула под прилавок.

– Извините, только сегодня прибыл товар, я еще не успела распаковать, – виновато произнесла она и протянула Габриэлле буклеты. – С вас пять фунтов!

Та в ответ подала свою кредитку и открыла карту.

– Дейзи, негодница, ты расставила товар? – Преувеличенно грозный голос послышался из глубины зала, и Габриэлла, оторвавшись от изучения окрестностей, скосила глаза в угол, откуда через секунду появился и сам его обладатель. Пожилой мужчина с поседевшими висками и юношеским озорством в глазах пружинистым шагом направлялся в их сторону.

– Дедушка, – шикнула на него Дейзи, – у нас клиенты!

– Здравствуйте, леди, чем можем помочь?

– Да мне уже, собственно, помогли. Единственное, может, вы подскажите, как лучше проехать к поместью Эйджвотер-Холл¹.

– О, мэм – американка?! – Она кивнула. – Конечно, я подскажу, но сначала, если вы не сильно торопитесь, я напою вас чаем с корнуоллскими пирожками. Дейзи, сделай чай и подогрей в печи пирожки, мы перекусим на улице в беседке. – Габриэлла опешила от такого напора и только удивленно хлопнула глазами, когда энергичный старичок, галантно предложив ей руку, по-мальчишески улыбнулся и бодро повел ее в сторону выхода.

– Прошу прощения, мэм, вы, наверное, не ожидали такой прыти от человека моего возраста, но, когда на тебя каждый день давит груз возраста, начинаешь особенно ценить время. Позвольте представиться, Джонатан Уильямс, хозяин этого магазина. – Он галантно помог ей устроиться в ажурном металлическом стуле с мягкими подушками. – Могу я узнать ваше имя?

– О, конечно. Габриэлла Хилл, и я действительно не ожидала такого напора, но не из-за возраста, а из-за стереотипа, сложившегося о англичанах: сдержанность, холодность...

– Миф! Ни слова правды! – Он обаятельно улыбнулся в подтверждение своих слов. – Вы приехали полюбоваться красотами Корнуолла?

¹ Дом на краю воды.

– К сожалению, нет. – Габриэлла не хотела рассказывать о цели своего визита, так как и сама до конца не была уверена, чем закончится эта поездка и не отправит ли мистер Денвер ее восвояси. Хотя кто знает, вдруг это незапланированное чаепитие снабдит ее какой-нибудь интересной информацией? – Мне нужно решить некоторые рабочие вопросы с мистером Захарией Денвером, – не вдаваясь в подробности, ответила она.

– К мистру Денверу, значит! – воскликнул Уильямс и взглянул на подросевшую с подносом Дейзи. Ободренная улыбками, она принялась разгружать его, наполняя аккуратные фарфоровые чашечки ароматным чаем. Пирожки на вид были очень аппетитные, и Габриэлла только сейчас поняла, насколько проголодалась. – Угощайтесь, Габриэлла. Вы же позволите опустить это занудное «мисс» и называть старику вас по имени?

– Позволю. – Улыбнувшись, она взяла с тарелки хрустящий слоенный пирожок и осторожно откусила. – Это очень вкусно! Мистер Уильямс, а вы знакомы с мистером Денвером?

– Знаком, но не так хорошо, как с его отцом. Закари страстно увлечен редкими ювелирными украшениями, драгоценными камнями, поэтому у нас он практически не бывает, а вот его отец был фанатично предан книгам. У него была прекрасная коллекция: редкие издания, архаичные свитки, древние манускрипты. Он часто навещался к нам. Вы заметили, что не все наши книги новые? – Габриэлла кивнула. – Я находил их на ярмарках, покупал на барахолках, отыскивал в старых библиотеках. А Эдвард приезжал, просматривал и иногда находил что-то ценное для себя. Он был хорошим человеком... И пожалуйста, называйте меня Джонатан. Давно красивые молодые девушки не называли меня по имени. Дейзи! Хватит подслушивать, иди в магазин и работай! – с притворным негодованием воскликнул мистер Уильямс.

– Дедушка, клиентов нет, а я так люблю, когда ты рассказываешь всякие истории, – начала нудить Дейзи. Он в ответ махнул рукой, выражая тем самым крайнее сомнение, что из нее когда-нибудь выйдет толк. Она же, воспользовавшись моментом, быстро схватила стоявший неподалеку табурет и под села к столику.

– Джонатан, вам приходилось бывать в поместье?

– Пару раз. Поместье действительно великолепно! Постройка начала девятнадцатого века, огромный сад, фонтаны, а какой вид открывается на Полперро! – Он выразительно поднял глаза и покачал головой. – Но не это в нем ценно. Эйджвотер-Холл, как и любое старинное поместье, окутан легендами и тайнами.

– Дедушка, расскажи про пожар! – не удержавшись, встряла в разговор Дейзи.

– Пожар... – задумчиво протянул он. – Чуть меньше ста лет назад восточное крыло Эйджвотер-Холла вспыхнуло, как сухая трава в жаркий день. Оранжевое зарево поднялось высоко в небо, осветив, как днем, весь Полперро. Холм пылал. Вся деревня выбежала тушить поместье, но восточное крыло успело выгореть дотла и погresti под слоем золы и пепла леди Гленерван, госпожу Эйджвотер-Холла. Остальная часть особняка пострадала не так сильно, и ее достаточно быстро и весьма успешно восстановили.

– А восточное крыло? – спросила Габриэлла, предчувствуя, что самое интересное в этой истории еще впереди, и загадочная улыбка Дейзи это подтверждала.

– В восточном крыле, – продолжил Джонатан, – находились комнаты леди Гленерван. Говорят, муж запер ее в любимой розовой гостиной, в которой она обожала принимать гостей, и поджег эту часть дома.

– И какие причины заставили его это сделать? Ревность, месть, корысть? – предположила Габриэлла.

Джонатан пожал плечами и серьезно произнес:

– Возможно, она просто была дурна собой, не умела крахмалить брыжи и ничего не смыслила в стряпне.

– Что?.. О, Кентервильское привидение! Шутите, мистер Джонатан Уильямс!

Он засмеялся и ответил:

– Простите, у меня ужасное чувство юмора. На самом деле это все легенды, слухи и предположения, дошедшие до наших дней. Возможно, это была всего лишь роковая случайность, но что действительно правда, так это то, что никто из потомков не стал восстанавливать восточное крыло. Никто. Говорят, там до сих пор можно увидеть призрак леди Гленерван. Эдвард всегда смеялся над этими баснями и говорил, что поместье и без этой части огромно, а выгоревшее крыло является исторически-значимой ценностью. Закари, насколько я знаю, тоже не собирался делать там ремонт.

– Я очень заинтригована и уже хочу побыстрее увидеть это загадочное место.

– Мисс Хилл, – смущенно начала Дейзи, – а вы ведь знакомы с мистером Денвером?

– Да, знакома, – не понимая, к чему она ведет, ответила Габриэлла.

– А он вживую такой же красивый, как на фотографиях? – выпалила девчонка и в ожидании подзатыльника от деда втянула шею.

– Дейзи! – рявкнул на нее Джонатан. – Живо в магазин!

Это, наверное, самый неожиданный вопрос, который могла задать эта девочка. Сколько ей, пятнадцать? Обычно в этом возрасте увлекаются мальчиковыми группами, а не взрослыми, полностью состоявшимися мужчинами. Но Габриэлла, конечно же, ответила и сказала чистую правду.

– Правда, он действительно очень красивый.

Дейзи подхватила поднос, состроив рожицу насупившемуся деду, и, улыбнувшись Габриэлле, вприпрыжку побежала в магазин.

– Очаровательная девочка! – заметила она и посмотрела на часы. Два часа пролетели незаметно и ей пора отправляться в путь.

– Сплошная головная боль! – заявил Джонатан.

– Джонатан, я очень рада, что зашла в ваш магазин и познакомилась с такими очаровательными людьми, но, к сожалению, мне уже пора.

– Конечно, конечно! – Он открыл карту и провел пальцем по отпечатанной линии. – Вот здесь вам нужно будет повернуть направо, ехать к поместью через город неразумно, придется пробираться через центр, там такие узкие улицы – не каждый автомобиль протиснется, а двоим разъехаться просто невозможно. Особняк находится на возвышенности, и дорога уведет вас наверх. Вы и мили не проедете, как увидите Эйджвотер-Холл, его вы не с чем не спутааете.

– Спасибо, Джонатан, надеюсь, это не последняя наша встреча.

Глава 4. Эйджвотер-Холл

Эйджвотер-Холл возвышался над небольшим курортным городком Полперро, удобно устроившись среди холмов, усеянных деревьями. Голубые ели, ароматные сосны, усыпанные шишками пихты стояли, обнявшись с пожелтевшими кленами, голыми буками и вековыми дубами.

Габриэлла остановила мерседес возле ажурных кованых ворот и вышла из машины. Она даже не успела нажать на кнопку переговорного устройства, как из нее с характерным треском донесся мужской голос.

– Мэм, это частная собственность, посещение поместья для туристов запрещено, – заученная фраза сказана буднично и, судя по интонации, повторять ее приходится как минимум несколько раз в день.

– Извините, сэр, меня зовут Габриэлла Хилл, и я приехала по приглашению мистера Захарии Денвера.

Ответом ей было молчание. Но уже через минуту ворота медленно начали открываться, а голос по ту сторону устройства проговорил:

– Проезжайте, мисс Хилл.

Подъездная аллея широкой серой полосой сначала уходила вверх, потом плавно сворачивала в сторону полукругом, огибая декоративный пруд, густо поросший зелеными кувшинками, с бьющим в сердцевине многоуровневым фонтаном. Зеленый газон тянулся по всему периметру поместья и на нем то тут, то там располагались изящные клумбы с пестрыми осенними цветами.

Габриэлла остановилась у парадного входа и изумленно ахнула. Да, хозяин букинистической лавки был вне сомнения прав: не восхититься Эйджвотер-Холлом было невозможно!

Огромный особняк с высокими узкими окнами, округлыми балконами, резными балюстрадами и выступающими за фасад здания эркерами производил неизгладимое впечатление. Потемневший от времени серый камень наполнял образ Эйджвотер-Холла аурой загадочности и даже мрачности. А стрельчатые башни, острые шпили крыш и обильно увитое плющом восточное крыло дома многократно усиливали ощущение хмурой притягательности. И только узорчатая вязь лепных гирлянд из волнообразно-свисающих листьев, цветов и лент несколько разбавляла суровую красоту поместья.

Широкая дверь из темного дерева отворилась и на пороге возник представительный мужчина в возрасте. Дорогой костюм-тройка, белые перчатки, безукоризненная осанка, а на лице выражение сдержанной учтивости – вероятно, дворецкий семьи Денвер.

– Мисс Хилл, добро пожаловать в Эйджвотер-Холл, – официально, с идеальным английским выговором произнес он, когда Габриэлла поднялась на крыльцо. – Прошу, проходите в дом. – Он сделал приглашающий жест и отошел в сторону, пропуская ее внутрь.

Переступив порог, они оказались в просторном холле с высокими, украшенными лепниной потолками и натертым до кристального блеска ореховым полом.

– К сожалению, мистер Денвер сейчас отсутствует, вас примет миссис Крэмвелл. – Он указал на длинную резную лестницу, устланную персикового цвета ковром, по которой спускалась элегантно одетая женщина.

Хоть расцвет ее молодости и красоты давно прошел, но молодежавшие черты лица до сих пор хранили следы былой привлекательности. А в том, что прежде она была потрясающей красавицей и разбила не одно мужское сердце сомневаться не приходилось. Короткие светлые волосы были уложены один к одному, прозрачные голубые глаза за годы не потеряли своего блеска, а подтянутая фигура говорила, что она достаточно энергична и занимается спортом.

– Добро пожаловать, мисс Хилл! Меня зовут Элизабет Крэмвелл, я родная сестра отца Закари.

– Приятно познакомиться, миссис Крэмвелл.

– Называйте меня Элизабет! Что мы все на пороге стоим, пройдемте в гостиную. Оливер, прикажи подать чай и сэндвичи, а Брайн пусть отнесет чемоданы мисс Хилл в приготовленную для нее комнату. – Она пошла вперед, предлагая Габриэлле следовать за ней.

Удобно устроившись на роскошном темно-бордовом диване с кокетливыми разноцветными подушками, Элизабет Крэмвелл, одарив Габриэлла приветливой улыбкой, начала разговор.

– Мы ждали вас, мисс Хилл, – сказала Элизабет.

– Зовите меня, Габриэлла, – попросила она.

– Габриэлла, Закари задерживается в Лондоне, но обещал быть со дня на день. Он нас оповестил о вашем приезде.

– Действительно? Как предупредительно с его стороны, – любезно заметила Габриэлла. «Я и сама точно не знала приеду ли. Очень самоуверенно с вашей стороны, мистер Денвер!» – подумала она, но мысли эти благоразумно оставила не высказанными.

– Должна признаться, – Элизабет слегка замялась, – меня удивила цель вашего визита. Закари всегда был очень сдержан в общении с прессой, а чтобы рассказать о себе больше, чем уже известно – это так на него не похоже. – В подтверждение своих слов она непонимающе развела руками.

– Миссис Крэмвелл... Элизабет, – поправила себя Габриэлла, – я пишу книгу о редких и безусловно прекрасных вещах глазами современных коллекционеров. Я думаю, мистера Денвера подкупило то, что рассказывать ему придется не столько о себе, сколько о своем увлечении искусством.

– Тогда вы обратились к правильному человеку. У моего племянника прекрасная коллекция. Ее начал собирать еще Эдвард, его отец, но Закари дополнил ее поистине уникальными вещами, – не без гордости сообщила Элизабет.

Оливер, тем временем, не отвлекая дам от разговора, подал чай и большое блюдо с маленькими бутербродами и, дождавшись кивка от хозяйки, удалился.

– Вы давно знакомы? – спросила миссис Крэмвелл, передавая Габриэлле фарфоровую чашечку с дымящимся напитком.

– Нет, мы встретились на похоронах Самюэля Митчелла, – ответила Габриэлла.

– Да, Самюэль... трагическая случайность. – Она о чем-то крепко задумалась, а потом, печально улыбнувшись, произнесла:

– Я знала Самюэля, но давайте не будем о грустном. Лучше расскажите, как добрались? Как вам Корнуолл?

– Дорога оказалась на удивление быстрой и приятной. А Корнуолл прекрасен! – восхищенно заметила Габриэлла. – Я видела пока немного, только то, что мелькало в окне автомобиля. Но по пути я остановилась в Фоуи, прогулялась и готова признать, что это одно из лучших мест на земле. Красота, спокойствие, умиротворение.

– Здесь много прекрасных мест, и я настоятельно рекомендую, пока вы гостите у нас, осмотреть Корнуолл. Вы, как творческий человек, должны по достоинству оценить эстетическую красоту природы нашего края. Ох, что это я разболталась! Вы же с дороги, а она, как бы ни была легка и приятна, все равно утомляет. Оливер!

Когда дворецкий, как по волшебству, возник возле Элизабет, она велела проводить гостью в предназначенную для нее комнату.

– Элизабет, спасибо за радушный прием, – поблагодарила Габриэлла и поднялась с дивана.

– Не за что, – махнула та. – Я всегда рада новому человеку и его компании. Сейчас отдохните, поспите, мы будем ждать вас к ужину, в семь часов. Оливер зайдет за вами и проводит в столовую.

Поднявшись на второй этаж и поблагодарив Оливера за труд проводить ее, Габриэлла закрыла дверь спальни и, бросив сумочку на элегантное низкое кресло, окинула взглядом свое новое пристанище. Комната была светлой и просторной, а теплые кремовые стены только одним своим видом могли согреть темной осенней ночью. В глаза сразу бросилась массивная кровать с четырьмя резными столбиками и стеклянные двери широкого балкона, манившие распахнуть их и насладиться открывавшимся видом.

Габриэлла скинула уличную обувь и прошла по пушистому бежевому ковру прямо к балкону. Окна спальни выходили на великолепно разбитые цветники и узкие аллеи. А стена высоких кустарников, которую она увидела, подъехав ко входу, оказалась внушительных размеров зеленым лабиринтом. Габриэлла видела огромный лабиринт в замке во Франции, но тогда она была еще ребенком и исследовать его ей не разрешили родители. Поэтому она решила непременно исправить это недоразумение и мысленно добавила еще один пункт к списку дел, обязательных к исполнению. Габриэлла подняла глаза к горизонту в тщетной попытке увидеть море, но, кроме зажигающихся огоньков вечернего Полперро, ничего рассмотреть не удалось – все поглощали осенние сумерки. В последний раз вдохнув соленый морской воздух, Габриэлла закрыла балкон и принялась разбирать вещи.

Ужин в Эйджвотер-Холле начинался ровно в семь и в том, что пунктуальность в этой семье один из главных приоритетов Габриэлла убедилась воочию. Тактичный и сдержанный Оливер постучал в ее дверь ровно без шести минут семь. Она улыбнулась своим наручным часам, на которые смотрела последние десять минут и дала вымышленный подзатыльник самой себе за проигрыш в споре: за шесть или пять минут до обозначенного времени прозвучит стук в дверь?

Столовая, ожидаемо, встретила классической английской сдержанностью, только рамки с фотографиями на горчично-медовых стенах немного разбавляли чопорную обстановку. «Все достаточно по фен-шую», – подумала Габриэлла и широко улыбнулась сидящим за столом.

– Габриэлла, познакомьтесь, это моя дочь, Эмма Аддингтон. – Элизабет указала на темноволосую молодую женщину примерно одного с Габриэлкой возраста. – А это мой Сэнди. Вообще его зовут Алекс, но мы его так не называем.

– И очень зря! – с шутливой обидой заявил Сэнди. Элизабет тепло посмотрела на сына и дала Оливеру знак подавать горячее.

Габриэлла взяла в руки хрустальный бокал и сделала глоток легкого розового вина, поданного на аперитив. Пока прислуга под чутким руководством Оливера наполняла тарелки ароматным супом из бобов можно можно воспользоваться мгновением и рассмотреть детей миссис Крэмвелл. Сэнди – общительный юноша с очаровательными ямочками на щеках и озорными карими глазами. Он сыпал остротами, подтрунивал над сестрой и каждую фразу матери дополнял смешной репликой. Уже не подросток, но еще не мужчина. А вот Эмма его полная противоположность. Она преимущественно молчала, смотрела на все вокруг равнодушно, манеры ее были идеальны, но ни теплоты, ни радушия при знакомстве с Габриэлкой она не проявила. Казалось, что ей попросту все равно.

Элизабет же была прекрасной хозяйкой, истинная леди Эйджвотер-Холла. Она вела непринужденную светскую беседу и одновременно зорко следила за всем происходящим в столовой. И если ей казалось, что столовый прибор недостаточно отполирован, или на изломе хрустального бокала отблеск свечей играл тусклее, чем положено, то многозначительно поднимала тонкую светлую бровь, и Оливер тут же заменял весь набор на персону, вплоть до белоснежной крахмаленной салфетки.

– Габриэлла, я надеюсь вам понравилась наша кухня? Я не знаю, что вы любите, но мне захотелось угостить вас традиционными английскими блюдами.

– Мне очень понравилось, Элизабет. У вас прекрасный повар.

Действительно, нежнейший ростбиф с ярко-розовой сердцевиной просто таял во рту, а запеченный картофель с овощами прекрасно дополнял его. Мясной пирог с пряной начинкой из птицы и перца, сыры и ветчина, домашнее сливочное масло и ароматный свежий хлеб, и, конечно же, знаменитый йоркширский пудинг с подливкой. Сначала такое обилие блюд показалось Габриэлле чрезмерным и достаточно тяжелым для ужина, но вскоре она изменила мнение. Блюда дополняли друг друга, были достаточно сбалансированы и вкусны, хотя пудинг она не оценила и осторожно отодвинула его на край тарелки.

– И мне понравилось! – вставил Сэнди. – А то в последнее время за этим столом можно съесть только макароны и пиццу.

– Не выдумывай, Сэнди, – засмеялась миссис Крэмвелл. – Просто Закари очень любит итальянскую кухню, – пояснила она Габриэлле.

– Хорошо, что не французскую! – Элизабет вопросительно посмотрела на нее. – Терпеть не могу луковый суп. – ответила Габриэлла. И если Элизабет на это только заулыбалась, то Сэнди откровенно расхохотался, и только Эмма сухо скользнула взглядом, продолжая думать о чем-то своем.

– Элизабет, вы все называете мистера Денвера английской производной от его имени – Закари. Но в официальных источниках и документах значится имя – Захария. Оно весьма необычно и мне любопытно узнать, как оно появилось в вашей семье? – спросила Габриэлла.

– О, это все Эдвард! Он был страстно увлечен книгами, литературой, в то числе и религиозной. Захария – один из двенадцати малых пророков. Одно время мой покойный брат очень плотно занимался изучением ветхозаветных книг и, как видите, это не прошло даром, – с улыбкой ответила Элизабет и, повернувшись, велела Оливеру: – Пусть чай и яблочный пирог подадут в гостиную.

Камин, выложенный натуральным камнем, наполнял гостиную оранжевыми бликами и мерным звуком потрескивающих поленьев. Свет от роскошной золоченой люстры был приглушен, сквозь приоткрытую створку окна проникал холодный ночной воздух, а горячий чай дымился на низком деревянном столике.

– Я обожаю Эйджвотер! – рассказывала Элизабет. – И провожу здесь большую часть года. К сожалению, мне приходится подолгу жить здесь одной. Эмма живет с мужем в Лондоне, но сейчас он с дипломатической миссией уехал на Ближний Восток, а она на время переехала сюда. Вы, как журналист, понимаете, что сейчас там слишком опасно, чтобы сопровождать мужа. – Габриэлла понимающе кивнула. – А Сэнди учится в Лондонской Школе Экономики, на втором курсе.

– А ваш племянник как часто навещает в родовое гнездо?

– Закари приезжает поздней осенью, когда в компании относительное затишье, а уезжает обычно после рождественских праздников. С каждым годом он навещает Эйджвотер все реже и реже. – Элизабет вздохнула и после минутного колебания, заговорила вновь: – Десять лет назад разбился самолет моего брата. Он вместе с Ричардом, моим мужем, летел из Лондона. Эдвард сам управлял «Сессной», это было еще одним его увлечением... Дети потеряли отцов, я – мужа и брата. Закари остался единственной опорой и поддержкой для всей нашей семьи. Сэнди тогда был еще совсем мальчиком. – Элизабет подрагивающей рукой провела по волосам сына и замолчала.

– Закари было всего двадцать пять, когда ему пришлось встать во главе

«Мартис», – продолжил за расспереживавшуюся мать Сэнди. – Он очень много работает и хорошо управляет семейным бизнесом, но времени больше ни на что не остается и сюда он стал навещать очень редко, а после того как Амелия...

– Сэнди! – оборвала его Элизабет.

Эмма, все это время молча смотревшая в длинное узкое окно, вдруг странно оживилась и, резко повернувшись к ним, воскликнула:

– Закари приехал! – Голос, который показался Габриэлле вначале вечера бледным и невыразительным, зазвенел колокольчиком, а большие карие глаза засветились двумя бриллиантами.

Мирно подремывавший дом мгновенно ожил. Элизабет отдавала приказы прислуге: ужин, ванна, сигары и корреспонденция должны быть уже готовы и дожидаться хозяина поместья в его комнате. Эмма зачарованно смотрела на дверь, Сэнди зевал, а Габриэлла тихонько сидела в мягком кресле, закинув ногу на ногу и спокойно взирала на творящуюся вокруг суету.

– Оливер! – Глубокий, слегка тягучий баритон, раздался где-то на подступах к гостиной. Габриэлла поймала себя на мысли, что именно таким его и запомнила. – Оливер, мне должны были прийти сюда письма из комиссии по ценным бумагам, где они? – Скидывая пальто, спросил Захария и обернулся к собравшимся с таким лицом, будто только сейчас заметил.

– Закари! – воскликнула Элизабет и подплыла к нему, протягивая руки.

– Прошу прощения, я так торопился, что совершенно забыл о манерах. – Он коснулся губами тыльной стороны ее ладони и посмотрел на остальных. – Сэнди, Эмма... мисс Хилл?!

Он неспешно пошел к темно-бордовому креслу, притаившемуся вблизи камина. Габриэлла поднялась ему навстречу и протянула руку для рукопожатия.

– Рад вас видеть у себя дома. – Захария принял руку и скользнул по ней мягкими сухими губами.

– Спасибо за приглашение, мистер Денвер. Я рада быть здесь, – ответила она.

– Мне не сообщили, что вы уже приехали. – Он повернул голову и стрельнул взглядом в миссис Крэмвелл.

– Я пыталась дозвониться к тебе в офис и на сотовый, но безрезультатно, – начала оправдываться Элизабет.

– К сожалению, у меня еще много дел, и я не смогу присоединиться к вашей компании. Приятного вечера! – обратился Захария ко всем. – До завтра, мисс Хилл. – Он круто развернулся и вышел из гостиной вместе с Оливером.

Глава 5. Правда за правду, или провокационная сделка

Габриэлла открыла глаза и села в кровати. Спала она прекрасно, даже сны не беспокоили ее. Наверное, сказалась дорога, новые впечатления и холодный морской воздух, тонкой струйкой проникавший через узкую щель неплотно закрытой балконной двери. В комнате стало ощутимо прохладней. Габриэлла поежилась, но вместо того, чтобы закрыть наглухо балкон, глубже зарылась в мягкое одеяло. Времени собраться к завтраку было достаточно, спешить некуда, можно спокойно полежать и подумать. Она почти уснула, когда короткий стук в дверь молоточком стукнул в висок, заставляя вздрогнуть.

«Кого принесла нелегкая?» – Габриэлла хмуро посмотрела на часы и крикнула:

– Войдите!

Миловидная девушка в темно-синей униформе горничной и белом кружевном фартуке прошла в комнату и поставила на прикроватную тумбу небольшой поднос.

– Доброе утро, мисс Хилл! Меня зовут Пегги, я принесла вам утренний чай с молоком, мармелад и тосты. – Габриэлла только моргнула и натянула одеяло по самый нос. Она либо еще спит, либо у нее галлюцинации. Ну зачем ей чай с молоком в семь утра? Но озвучивать вопрос она не стала, молча наблюдая, как девушка расставляет посуду.

– Завтрак в восемь, приятного дня, мисс Хилл. – Пегги улыбнулась и, обняв серебряный поднос, выскользнула за дверь.

Через час Габриэлла сидела за столом и натянуто улыбалась стоявшей перед ней тарелке с горячей овсянкой. Не то чтобы она сильно не любила ее, но для человека, неприемлющего опоздания, но обожающего поспать подольше, а потом вихрем носиться по квартире, натягивая чулки и глотая горький кофе, нормальный завтрак был чем-то из ряда вон выходящим. Габриэлла привыкла практически ничего не есть утром и сейчас озадаченно смотрела на весьма плотный, калорийный и достаточно необычный завтрак. На столе помимо традиционных бекона, яиц, ветчины и тостов, была поджарка, печенные грибы, томаты и фасоль, а также неожиданные для антуража Эйджвотер-Холла медовые мюсли, ванильные хлопья и шоколадные шарики, но попробовать все это не представлялось возможным. Овсянку подали всем!

«Интересно, они всегда ее едят, или Элизабет продолжает угощать меня исконно английскими блюдами? – подумала Габриэлла и вновь осмотрела стол. – А говорят еще, что у англичан однообразный, постный и не питательный завтрак! Вот и верь после этого стереотипам!»

Она тихо вздохнула, продолжив держать хорошую мину при плохой игре и ковырять ложкой в тарелке.

Захария искоса бросил на Габриэлли изучающий взгляд и перевернул очередной лист «Файненшел Таймс». Читать газеты за завтраком было для него своеобразным ознаменованием нового дня. Привычка. Хотя, признаться, он не столько узнавал там новости, или искал нужную информацию, сколько отдавал дань традиции: так делал дед и отец. За столом все шло своим чередом: Элизабет обсуждала с миссис Грин меню на сегодняшний день и еще какие-то очень важные хозяйственные дела, вроде сочетания цвета скатерти и узора на чайном сервизе; Эмма лениво кивала Сэнди, рассказывавшему очередную веселую историю о жизни в колледже. Эти разговоры были привычны и абсолютно не отвлекали, но сидящая по левую руку мисс Хилл привлекала внимание не хуже обвала на фондовой бирже. Она с улыбкой Моны Лизы гипнотизировала свою тарелку, будто это могло помочь каше испариться.

– В первый раз вижу, чтобы с такой настойчивостью строили глазки тарелке с овсянкой, – отложив газету, заметил Захария.

– Тренируюсь, не хочу потерять сноровку, – быстро среагировала Габриэлла. От нее не укрылась ни ирония, сквозившая в его голосе, ни насмешка, притаившаяся в глубине голубых глаз.

– Оливер! – Одно слово, и перед Габриэлой, как по волшебству, оказалась тарелка с хрустящим беконом, яичницей и свежим хлебом. Она благодарно кивнула и обратила внимание, что все присутствующие притихли и внимательно следят и за разговором, и за манипуляциями с едой.

– Приятного аппетита, – пожелала всем Габриэлла и, взяв в руки приборы, все свое внимание посвятила завтраку.

Элизабет бросила на Габриэлле до странности настороженный взгляд, будто бы пыталась понять, из чего та сделана, или, возможно, в ее голове просто не укладывалось, что кто-то может не любить овсянку. Но уже через мгновение на ее лице появилась ослепительная улыбка, обращенная к племяннику.

– Закари, какие у тебя планы на утро?

Кинув взгляд на часы, он ответил:

– Через пару часов собираюсь проехаться верхом. Мисс Хилл, надеюсь, вы составите мне компанию?

От такого неожиданного предложения Габриэлла растерялась. Она вздернула бровь и недоуменно взглянула на хозяина поместья. Зачем ему вздумалось сажать ее на лошадь?

– Вы катаетесь верхом? – заметив ее замешательство, осведомился Захария.

– К сожалению, мой опыт общения с лошадьми сводится к неудачной школьной экскурсии на ферму и просмотру фильма «Чемпион», – ответила она и прикусила язык. За время работы в средствах массовой информации у нее выработалась стойкая привычка отвечать хлестко, с едким юмором, обильно приправленным остротами и сарказмом. Но что хорошо в журналистике, плохо в жизни. – Мистер Денвер, – пытаясь сгладить ответ, начала Габриэлла, – я не уверена, что это хорошая идея.

– Это уж позвольте мне решить, – спокойно отозвался Захария. – Нам с вами есть, что обсудить. – Голос его был таким же расслабленным и глубоким, но Габриэлла только усилием воли сдержала желание поежиться. Что-то в его тоне заставило насторожиться и быть готовой к любому повороту событий.

Я отвечу на ваши вопросы, если вы ответите на мои...

Вспомнила она их разговор в кафе.

«Что же вы хотите узнать от меня? И что будете делать, когда узнаете, что я ничего не знаю?»

– Через два часа я жду вас на заднем дворе, – сказал Захария и, пожелав оставшимся приятного аппетита, вышел из столовой.

– А пока я могу устроить вам экскурсию по дому! – оживилась Элизабет. – Он хоть и небольшой, но неподготовленный человек может заплутать.

– Это было бы чудесно! – с наигранной радостью ответила Габриэлла.

Экскурсия, устроенная миссис Крэмвелл, оказалась весьма познавательной и пришлась как нельзя кстати. Теперь Габриэлла имела представление о размерах всего поместья и могла, хоть и примерно, ориентироваться в нем, а самое главное – теперь она может передвигаться по дому без помощи прислуги или вездесущего Оливера. Небольшой особняк, как его, не задумываясь, окрестила Элизабет, оказался внушительных размеров и потеряться в его многочисленных коридорах, гостиных или перепутать спальню было немудрено.

Габриэлла увидела и шикарный зал для торжественных приемов, и огромную, сверху до низу заставленную книгами библиотеку, и так называемую клубную комнату, где мужчины могли поиграть в пул, выпить и обсудить дела вдали от женских ушей. Но самого главного ей так и не показали. Длинная галерея, которая занимала почти весь третий этаж и в которой нашла свое пристанище огромная коллекция мистера Денвера, была закрыта. Элизабет объяс-

нила, что когда Захария сочтет нужным показать экспонаты, собираемые их семьей годами, то сделает это сам. Но зато на ее детище – оранжерею, – Габриэлле пришлось любоваться около часа. Видно было, что Элизабет обожала возиться с растениями, и они отвечали ей взаимностью: цвели пышным цветом, источали легкий аромат и радовали глаз. Миссис Крэмвелл с таким воодушевлением рассказывала об особом сорте зимних роз, что Габриэлле даже неудобно было прерывать ее, а времени до встречи с мистером Денвером оставалось немного.

Через два часа Габриэлла вышла на задний двор и осмотрелась. Дорожка, вымощенная квадратной плиткой, вела к невысоким постройкам. Конюшни. Рядом – обширный загон, в котором сейчас бродили несколько лошадей. Они щипали пожелтевшую траву, поднимая головы и с интересом оглядывая все вокруг большими влажными глазами.

Захария находился в отличном расположении духа – это бросилось в глаза сразу. Он играл с двумя гончими с черными боками в ярко-рыжих румянах. Собаки заливались громким лаем и игриво тыкались мордами ему в колени. Когда один из псов чувствовал, что внимание хозяина ускользает, переключаясь на другого, то начинал энергично лизать его длинные пальцы и подставлять голову для ласки, и Захария незамедлительно отвечал.

Габриэлла улыбнулась этой умильной картине. Она не знала точно, как мистер Денвер относится к людям, но животных он явно любил! Захария поднял голову и посмотрел на нее.

– Вы пунктуальны, мисс Хилл, – отгоняя от себя гончих, констатировал он. – Рик, заberi собак и выведи лошадь для леди.

Молодой парень в широкополой шляпе, больше подходившей для вестернов, и теплом дутом жилете кинулся уводить собак, но те были настроены иначе и уходить не собирались. Один из псов, тот, что покрупнее, повернулся к Габриэлле и, внимательно оглядев, в два прыжка добрался до ее ноги и обхватил мощными лапами.

– Айвен, фу! – крикнул Рик.

– Что поделать, кобель! – улыбаясь, сказал Захария, поглаживая морду другой собаки.

– Фу! Нельзя! – погрозив ему пальцем, воскликнула Габриэлла. – Оставь свой пыл для лохматых подружек!

Рик схватил Айвена за ошейник и, оторвав лапы от ноги, повел прочь.

Погладив в последний раз другого пса, Захария приказал ему бежать за Риком.

– Вы понравились Айвену, обычно он не любит чужаков.

– Я счастлива, – обтряхивая черные джинсы от пыльных собачьих следов, проговорила она.

– Прошу, пройдемте. – Он указал ей в сторону загона и пропустил вперед.

Когда они подошли, Захария открыл дверцу загона и подошел к длинноногому жеребцу цвета чернильного неба с белой звездой на лбу. Взяв в руки поводья, он вывел его и представил:

– Это – Дым. – Он погладил длинную морду и посмотрел в сторону. – А вот и Молли.

Габриэлла, с восхищением рассматривавшая жеребца, обернулась и увидела серую в яблоках тонконогую кобылку. Красивая и изящная, с ухоженной жемчужной гривой и выразительными темными глазами, на вид очень покладистая. Но все равно представить себя верхом было трудно.

– Молли спокойная и знает дорогу, просто держите слегка поводья, и она сама доведет вас. Я буду ждать у реки, – вскакивая в седло, проинструктировал Захария и рванул по траве в сторону холмов.

Рик помог залезть Габриэлле на лошадь, что, как ни странно, получилось с первого раза и, взяв под уздцы, подвел к плотно утрамбованной дорожке, по обеим сторонам которой раскинулись заросли вечнозеленого барбариса.

– Мэм, по этой тропинке двигайтесь вверх, здесь нет ответвлений, и вы не заблудитесь, а Молли действительно прекрасно знает дорогу. – Он погладил нос кобылы и произнес:

– Молли, шагом!

Лошадь неспешно брела, все дальше углублялась в сторону холмов. Когда они вышли на открытую местность, Габриэлла не смогла сдержать восхищенного вздоха. Такой необъятный простор! Вдали, как спящие великаны, притаились бурые с зелеными вкраплениями насыпи холмов. На пожухшей траве седыми полосами осел иней. Значит, ночью были первые заморозки, а осеннее солнышко не торопилось выглянуть и растопить сковавшую землю изморозь. А воздух? Чистейший, жгучий. Он свежим дыханием касался щек, щекотал ноздри и обжигал прохладой легкие.

Дорога начала уходить вправо, и Габриэлла заметила тонкую полоску воды. Рекой ее можно было назвать с большой натяжкой, скорее, это был широкий канал. Возле воды мерно перебирал копытами Дым, а его хозяин, прислонившись к кривому стволу вяза с поникшей кроной, смотрел в сторону холмов.

Когда Захария сообщил про прогулку, Габриэлла решила, что увидит его в парадном рединготе, белоснежных бриджах и начищенных высоких сапогах. Сапоги, кстати, имели место быть, вот только бриджи были серыми, вместо редингота жилет, а под ним – черный свитер с узкой горловиной.

– Вы быстро, мисс Хилл. Как вам поездка? – Он подошел к остановившейся кобыле и протянул руки, помогая Габриэлле спешиться.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Лучше, чем я ожидала. Здесь великолепные пейзажи. Я еще так мало видела, но Корнуолл покоряет с первого взгляда.

– Замечательно. Итак, мисс Хилл, вы здесь!

Габриэлла внутренне напряглась, отмечая, что он не собирался долго запрягать, а сразу перешел к цели ее приезда в Эйджвотер.

– Насколько мне известно, вы не сомневались в моем приезде.

– Разве может один из самых пронырливых журналистов Чикаго отказаться от такой возможности! – Захария не спрашивал, он утверждал.

– Наводили справки обо мне?

– Как и вы обо мне. – Он отошел к реке и присев, потрогал темно-серую воду. – Ледяная, – тихо произнес он и повернулся к Габриэлле: – У вас своеобразный подход к людям: наглый, но интригующий.

– Если бы я вам просто позвонила и попросила уделить мне время, разве вы согласились бы встретиться со мной? – Захария не ответил, только уголки его губ на секунду дрогнули в улыбке, но взгляд оставался непроницаемым, изучающим.

– Я действительно закрыт для прессы, но давать интервью таблоидам и писательнице – это разные вещи. Я прав? – Она кивнула, не совсем понимая, куда он ведет. – Тема вашей книги нетривиальна и достаточно интересна. – Он сорвал сухую травяную веточку и поднялся. – Я не любил Самюэля, но уважал, и если он поделился с вами своими воспоминаниями, показал ценные реликвии, значит, вы того стоите.

Габриэлла не стала как-то подтверждать его слова или рассыпаться в благодарностях от высокой оценки, которую Захария Денвер изволил дать. Она молча ожидала продолжения, осознавая, что все сказанное до этого, всего лишь прелюдия, самое интересное еще впереди.

– Вы были у него в лавке накануне смерти, он надевал колечко? – Тон беспечный, но глаза смотрели зорко, испытывающее.

«Что же вы хотите узнать, мистер Денвер?» – мысленно спросила Габриэлла, а вслух произнесла:

– Надевал, а для вас? – Она все поставила на этот вопрос и, как ей показалось, не прогадала. Захария был у него в тот день, и Самюэль опять отказал ему продавать свою часть Ибелина. Но, естественно, никаких подтверждений своим догадкам Габриэлла не получила. Только

ясный непроницаемый взгляд и чуть склоненная набок голова указывали, что он вообще слышал ее.

– Сегодня после ужина я буду ждать вас в кабинете. Я приехал в поместье отдохнуть, но днем по большей части буду занят. Поэтому наши беседы будут проходить в свободные вечера. И возможно, мисс Хилл, вам придется задержаться в Корнуолле дольше, чем вы рассчитывали. Вас это устраивает?

– Вполне. Вопросы будут корректироваться вами? – Он кивнул. – То есть я буду писать только то, что вы сочтете нужным?

– Вы думали, будет как-то по-другому? – Габриэлла неопределенно пожала плечами. – Я слышал, вы практически уволились из газеты. Почему?

– Разочаровалась в профессии, – без каких-либо подробностей ответила она.

– Почему? – еще раз спросил Захария.

– Я прилетела в Англию не для того, чтобы говорить о себе, мистер Денвер. Я приехала говорить о вас.

– Ответьте.

Габриэлла не хотела делиться с ним внутренними переживаниями, сомнениями и сожалениями, связанными с работой, но, по сути, это всего лишь слова, и отказывать в ответе на достаточно невинный и обыденный вопрос казалось не разумным.

– Честной журналистики больше нет. Мы пишем то, что удобно. Все темы жестко регламентируются, фильтруются и одобряются сверху. В принципе, как и у нас с вами.

– Хорошо, мисс Хилл, давайте заключим сделку. Вы можете задавать мне любые вопросы, скорее всего, я отвечу не на все, но и это уже немало. Но если я решу спросить вас о чем-то, вы должны будете ответить и ответить предельно откровенно. Согласны? – Он спокойно, не сомневаясь в ее решении, начал перебирать серебристую гриву Молли.

– Согласна. Мистер Денвер, почему вы избегаете общения с прессой, вам есть что скрывать? – Габриэлла не удержалась и задала свой первый вопрос.

– А вам разве нет? Все вопросы вечером, мисс Хилл, нам пора возвращаться, а то вы замерзнете в своей курточке.

Захария помог ей забраться в седло и, ловко запрыгнув на спину своего жеребца, взял в руки поводья и его, и Молли.

– Мисс Хилл, сейчас не бойтесь и держитесь. Молли, рысью!

Глава 6. Вы говорите – я записываю...

Библиотека в Эйджвотер-Холле вмещала в себя гигантское количество книг. Широкие стеллажи тянулись от пола до потолка и занимали практически все пространство. Здесь стоял сухой, немного затхлый воздух. Так пахли книги. Сэнди открыл одно из окон, впуская осеннюю прохладу. Расположившись в широком кожаном кресле и закинув ноги на подлокотник, он начал пролистывать толстый учебник по экономике. Сейчас он бы с радостью отправился в Лу² к приятелю и провел бы там пару дней: ночные гулянки, пабы и симпатичные девчонки, но практика заканчивалась – экзамены не за горами, да и мать как с цепи сорвалась. Постоянные нравоучения, бесконечные нотации и нудные обсуждения поистине наполеоновских планов на его будущее – вот основные темы их бесед. Хорошо еще, что Захария так вовремя вернулся в Эйджвотер, и теперь все внимание женской половины будет по праву принадлежать ему.

Сэнди бросил взгляд на притихшую на краю оттоманки Эмму, сильно удивившую желанием скрасить его невеселое времяпрепровождение с книгами. Он любил сестру, но не понимал. Она всегда была замкнутой и скрытной, а после смерти отца ко всему этому прибавилось еще и безразличие. Она абсолютно равнодушно приняла ухаживание Дика Аддингтона и также равнодушно произнесла брачные клятвы. Иногда Сэнди спрашивал себя: неужели Дик ничего не замечает? В его юношеской, пропитанной максимализмом голове не укладывался такой формат отношений. В свои неполные двадцать он, как и все молодые люди, считал себя знатоком жизни. И если уж он решит жениться, то только по большой любви! А деньги, положение в обществе и тому подобные атрибуты брака, принятого заключать в его кругах, казались глупыми пережитками прошлого.

Сэнди вспомнил, сколько раз высказывал семье свою точку зрения. Мать, поднимая глаза к потолку, хваталась за сердце со словами, что не переживет такого мезальянса, а Захария молчал, снисходительно улыбаясь. Сэнди так ждал, когда закончит учебу, начнет сам зарабатывать и распорядиться собственной жизнью! Тогда он будет таким же, как его кузен. Независимым, сильным, уверенным. Захарии никто не смел указывать: что делать, как себя вести и кого любить.

Размечтавшись, Сэнди преувеличено громко вздохнул, бросив взгляд на сестру – та даже не шелохнулась. Эмма продолжала тихо сидеть напротив, задумчиво поглаживая бриллианты на дорогой золотой цепочке. Взгляд обращен к старой картине, изображавшей корабль, пробиравшийся через буйство морской пучины к одинокому свету маяка.

– Когда мама сказала про приезд журналистки, – нарушила тишину Эмма, – я решила, что Закари таким интересным образом хочет познакомить нас со своей любовницей. Но теперь понимаю, что это невозможно.

Не поднимая головы от учебника, Сэнди спросил:

– Почему невозможно? По-моему, Габриэлла очень красивая и может понравиться любому. Хотя уверен, что она здесь именно по той причине, которую нам озвучили. А Закари, если захочет кого-то привести в свой дом, никаких предлогов придумывать не будет.

– Может и красивая, если тебе такие нравятся, но Закари любит блондинок.

– Тебе-то откуда знать, каких женщин он любит? – откладывая книгу, насмешливо спросил Сэнди.

– Знаю... – задумчиво протянула Эмма.

– Я бы на твоём месте попридержал язык и поменьше распространялся о его предпочтениях. Это не твоё дело, сестричка, – уже серьезней сказал он.

² Прибрежный рыбацкий городок в графстве Корнуолл.

На его замечание Эмма лишь надменно ответила, что не ему, сопляку, указывать ей, что делать, но библиотеку не покинула, продолжая молча размышлять о каких-то только ей ведомых делах. Сэнди лишь закатил глаза и вернулся к изучению анализа спада на инвестиционном рынке, попутно разбавляя чтиво собственными мыслями и мечтами.

Габриэлла вышла из своей спальни, решив немного побродить по поместью. После конной прогулки она чувствовала острую необходимость пройтись по твердой земле. Ее до сих пор трясло от легкой рыси, которую продемонстрировала тонконогая Молли со своим милейшим хозяином.

Пока день еще не начал клониться к закату, она хотела осмотреть особняк снаружи и сделать несколько снимков. С мистером Денвером они, слава богу, пришли к согласию, и Габриэлла уже успела набросать вопросы для сегодняшней беседы и общий список тем, которые хотела бы осветить в своей книге.

Длинный коридор вел ее к парадной лестнице нескончаемой чередой похожих, как две капли воды, дверей. В декоративных нишах, оформленных под Средневековье, украшенных искусно расписанными вазами, благоухали зимние розы и орхидеи из оранжереи миссис Крэмвелл. Очередной поворот, и Габриэлла оказалась возле тяжелой резной двери, выбивавшийся из общего ансамбля и цветовой гаммы. Дверь в библиотеку было ни с чем не спутать: темный дуб, массивные медные ручки с плетеным орнаментом и вазы в человеческий рост с закрученными в спираль стеблями бамбука. Когда Элизабет показывала библиотеку, Габриэлла заметила внутри на ажурном столике малахитовый телефон, очень похожий на тот, что был в магазине Самюэля Митчелла. Она не смогла сделать ни одной фотографии в его антикварной лавке и проиллюстрировать часть книги, посвященную его рассказу, было нечем, но сейчас представилась возможность исправить это. Захарии Денверу эти несколько фотографий ничего не будут стоить, зато Габриэлла сможет вложить некую память, хоть какой-то наглядный пример увлечения Самюэля длиною в жизнь.

Дверь была приоткрыта, и Габриэлла тихонько скользнула внутрь. Сейчас библиотека была ярко освещена, а приглушенные голоса, доносившиеся с противоположного конца комнаты, яснее ясного говорили, что лучше зайти в другой раз. Габриэлла разочарованно поджала губы – свет для фотографии был идеальным – и сделала шаг к двери, но собственное имя, произнесенное ленивым голосом Сэнди, заставило замереть и прислушаться.

Когда она наконец оказалась на улице и глубоко вдохнула влажный морской воздух, то с улыбкой вспомнила подслушанный разговор, который помог ей сделать несколько весьма интересных выводов: во-первых, Эмма оказалась не такой уж апатично равнодушной. Во-вторых, она проявляла необыкновенный интерес к сексуальным предпочтениям своего кузена. В-третьих, конечно же, то, что джентльмены все-таки предпочитают блондинок! В шутку посетовав на мать, наградившую ее по-настоящему черными, густыми волосами, Габриэлла пошла в сторону пышных фигур кустарников, ко входу в лабиринт.

Восточное крыло практически полностью скрывалось под обильными зарослями плюща. Только на третьем этаже кое-где проглядывали пожелтевшие оконные рамы и мутные пыльные стекла. Габриэлла взяла камеру и сделала пару снимков. С этого ракурса дом больше напоминал заброшенный готический замок, нежели процветающий и обжитой особняк. Опасный, напряженный и странно притягательный – именно такие слова пришли на ум при созерцании его мрачного великолепия. Габриэлла чуть отступила назад и уперлась в колючую стену. Лабиринт. Волнообразный, густой, огромный.

Ее детская мечта – побродить в зеленых зарослях – наконец исполнится! Габриэлла неплохо изучила его с высоты своего балкона и, без опаски заплутать, вошла внутрь. В самом его сердце находилась кованная железная лавочка и античная скульптура, которые могли послужить ориентиром. К тому же, оттуда можно было сделать хорошие снимки.

Живая изгородь из деревьев и кустарников была хитросплетенной цепочкой из тупиков, путаных дорожек и ложных ходов. И чем дальше Габриэлла заходила, тем яснее понимала: никаких ориентиров здесь быть не может! Плотнo высаженные растения достигали в высоту около шести футов, и единственное, что она могла видеть – заросли шиповника и серое небо над головой. А проход к центру, сверху казавшийся таким простым и незамысловатым, на деле оказался сложным и запутанным. Габриэлла остановилась, решив повернуть назад. В одиночку она вряд ли сможет найти проход к центру, а плутать здесь до вечера перспектива не из приятных. Сделав несколько шагов, Габриэлла отчетливо поняла, что не знает куда идти: в какой стороне выход, а в какой центр огромного лабиринта?

Она ведь никогда не страдала приступами панических атак, но сейчас ощутила в горле неприятный склизкий комок, и распространяющуюся по телу душащую ломоту. Не хватало пространства. Ей остро не хватало свободы. Куда бы Габриэлла не сворачивала – всюду тупик. Зеленые стены наседали, давили, путали. Сердце бешено стучало, грозя вырваться из груди, а короткое частое дыхание предвещало скорую гипервентиляцию легких. Стоп! Габриэлла присела в очередном проходе и сжала виски. Ей нужно успокоиться и адекватно оценить ситуацию. Если полностью поддаться панике – станет еще хуже. Габриэлла закрыла глаза, задержала дыхание, а потом несколько раз медленно и глубоко вдохнула. После встала и осторожно побрела по дорожке. Направление определить было сложно, единственное, за что она зацепилась – ветер, который дул с моря. Если он не переменится, значит, она движется в сторону дома.

Серое небо начало стремительно темнеть и пошел дождь. Мелкий, назойливый, холодный. Такой не промочит до нитки, но изрядно потреплет нервы. Габриэлла спрятала камеру под куртку, стряхнула осевшие в волосах капли и накинула капюшон. Приблизилась ли она к цели, оставалось загадкой. Картина вокруг абсолютно не менялась. Паника скользким червячком снова начала пробираться в голову, заставляя ускорить шаг. Габриэлла повернула в очередной тупик и уже была готова взвыть от бессилия, как буквально уткнулась носом в темно-синий пиджак.

– Оливер! – подняв голову, с облегчением воскликнула она.

– Вы заблудились, мисс Хилл?

«Да, черт возьми, я заблудилась!» – но вслух беспечно заявила:

– Да так, немного заплутала

– Следуйте за мной, я выведу вас. – Оливер развернулся и спокойно пошел в противоположную ее направлению сторону.

– Оливер, вы хорошо здесь ориентируетесь, – заметила Габриэлла. Он ловко обходил все тупики и выбирал самые короткие дорожки.

– Я много лет служу у семьи Денвер и давно изучил этот лабиринт.

– А как вы узнали, что мне нужна помощь?

– Миссис Грин, наша экономка, вместе с горничной меняли шторы в длинной галерее и увидели вас. Оттуда прекрасно просматривается все поместье, и ей показалось, что вы не можете найти выход. Прощу! – Он остановился и отступил, пропуская Габриэлла вперед. Она увидела арку, венчавшую вход в лабиринт, и сам особняк.

– Спасибо, Оливер, и поблагодарите от меня миссис Грин, – расслабившись и успокоившись, попросила Габриэлла.

Он слегка склонил голову, принимая благодарность, и спросил:

– Вас проводить в дом?

– Не нужно, дальше я сама справлюсь, – не желая окончательно расписываться в очевидном топографическом кретинизме, беззаботно ответила Габриэлла.

Оставшись одна, еще раз посмотрела на лабиринт и прошла взглядом по всей доступной глазу территории поместья. Сейчас она увидела оборотную сторону окружавшей ее красоты. Коварную, жестокую и даже опасную. Габриэлла взглянула на дом, ставший безмолвным

свидетелем ее страха, и ей показалось, что он уродливо скривился в хищном оскале, насмехаясь над ее переживаниями, готовый растоптать в минуту слабости и растерянности. Передернув плечами от несвойственных ей мрачных мыслей, достала камеру, намереваясь сделать несколько снимков на фоне дождя. Молчаливо, угрюмо и неприветливо – Эйджвотер-Холл сейчас был именно таким.

Снимок, другой – Габриэлла уже готова была уйти, как увидела силуэт в опутанном плющом мутном окне обгоревшего крыла. Она присмотрелась. За грязными стеклами, покрытыми каплями дождя разглядеть что-то было сложно, но там определенно был человек.

– Оливер! – Габриэлла окликнула задержавшегося на крыльце дворецкого и побежала к нему. – Оливер, а восточное крыло обитаемо?

– Нет, мэм. Оно закрыто.

– Странно, мне показалось я видела там человека. – В приведения она не верила, галлюцинациями не страдала и уж точно ей не показалось!

– Мистер Денвер использует одну из комнат под мастерскую, возможно, вы видели его.

– Возможно, – нехотя согласилась Габриэлла. – А вы говорите, крыло закрыто.

– Оно закрыто для всех, мисс Хилл, кроме хозяина этого дома, – ответил Оливер и открыл парадную дверь.

После ужина Габриэлла поднялась к себе и, собрав все необходимое для записи беседы, отправилась в кабинет Захарии. Она негромко постучала, извещая о своем приходе, и толкнула дверь. Рассеянный свет настольной лампы скупо освещал пустой кабинет. Габриэлла переступила порог и осмотрелась. Все здесь было по-настоящему мужским. Обстановка, атмосфера и запах. Дорогая кожа, сигары и едва уловимый аромат парфюма, пряный, стойкий. Габриэлла прошла вглубь комнаты, погладила спинку кожаного кресла и остановилась у большого письменного стола. На нем аккуратными стопками лежали папки, отдельные документы находились в легком беспорядке, будто их только бросили, не успев до конца изучить, а в пепельнице тлела недокуренная сигара. Габриэлла бросила короткий взгляд на дверь и взяла в руки фотографию в обтянутой ребристой кожей рамке.

Красивый мужчина сидел на газоне и обнимал светловолосого мальчика. Захария был похож на отца: те же яркие голубые глаза, светлые волосы и упрямо выступавший подбородок. Эдвард Денвер на снимке был примерно того же возраста, что сейчас Захария. Но если взгляд отца был открытым, а выражение лица безмятежным, то черты его сына за годы приобрели печать строгости и решительности, а во взгляде преобладала властность и чувство превосходства. Но ребенком он был очаровательным, про себя подумала Габриэлла и погладила фотографию кончиками пальцев.

– А где же мама? – вслух, негромко произнесла она.

– Она умерла, когда я был ребенком. – Габриэлла вздрогнула от ответа, нарушившего тишину кабинета, и резко обернулась.

Захария стоял позади нее, рядом, но не близко.

– Осваиваетесь, мисс Хилл?

– Вас не было, и я решила, что стоять под дверью будет как-то несерьезно. Вы не против?

– Не против. – Он обошел стол и начал собирать разбросанные бумаги.

Габриэлла тем временем повернулась к тянувшемуся во всю стену книжному шкафу. Он не был плотно заставлен, как библиотека Эйджвотер-Холла. В основном по две-три книги на узкой полке, но были и такие, которые в полном одиночестве косо подпирали деревянную стенку или лежали открытыми. Она подошла ближе. В основном специализированная литература: книги по ювелирному делу и работе с камнем, по живописи, архитектуре и скульптуре. Здесь встречались как новые, с хрустящими страницами, так и старинные, с пожелтевшими краями и обтрепанными корешками.

Габриэлла взяла в руки небольшой томик, название которого было выбито золоченым тиснением, и, вскинув тонкую бровь, окинула взглядом соседствующие с ним книги.

– «Падение дома Ашеров», «Замок Отранто», – вслух перечислила она. – Вы любите готический роман? «Джейн Эйр»?! – не дождавшись его ответа, удивленно воскликнула Габриэлла.

– Как вы правильно заметили, мисс Хилл, я увлекаюсь готикой, как в литературе, так и в других видах искусства. – Захария удобно устроился в кресле и жестом пригласил ее сделать то же самое. Габриэлла присела и, потянувшись к кнопке диктофона, посмотрела на него. Дождавшись утвердительного кивка, включила запись и взяла в руки блокнот для заметок.

– Мистер Денвер, ваше поместье помимо того, что является одним из удачнейших примеров смешения стилей: вычурного барокко и сдержанного классицизма, имеет богатую историю, а также обросло слухами, легендами и загадками. Расскажите об этом поподробнее.

– Я слышал, вы заезжали в Фоуи по дороге, познакомились со стариком Уильямсом? – Она кивнула, а Захария лишь покачал головой. – Это сказки.

– Так расскажите правду. Об Эйджвотер-Холле информации также прискорбно мало, как и о вас самом.

– Мой предок выкупил землю у Короны в 1815 году и построил здесь Эйджвотер-Холл. Полперро тогда был мелкой рыбацкой деревушкой, но природа и климат одни из лучших в Англии, идеально для загородного поместья. А легенды о короле Артуре, кельтах, эльфах, феях по сей день добавляют Корнуоллу некий мистический шарм. Самый загадочный уголок Британии, – мечтательно произнес Захария. – Я очень рад, что выбор Колина Гленервана пал именно на это графство.

– Гленерван? – уточнила Габриэлла. – А по какой линии проходило ваше родство?

– Моя семья не является прямыми потомками Колина Гленервана – первого хозяина поместья.

– Как случилось, что семья Денвер стала владеть этими землями? – сделала очередную пометку в блокноте, спросила Габриэлла.

В дверь постучали и вошла Пегги с подносом. На нем стояли чайник, фарфоровые чашечки, приборы, кувшинчик с молоком, а также крошечные бутерброды с лососем и целое блюдо птифуфов. Пока она разливала чай, Захария молчал, а Габриэлла думала, что с удовольствием выпила бы большую кружку какао с молочной пенкой и откусила кусочек от каждого маленького пирожного.

«Интересно, во всех английских семьях из горячих напитков предпочитают исключительно чай или это особенность семейства Денвер-Крэмвелл?» – размышляла она, мысленно поставив галочку напротив еще одного вопроса. Но, прикусив губу, решила отбросить эту мысль. Если мистер Денвер хочет пить чай, она потерпит.

Когда они вновь остались вдвоем, Габриэлла оторвалась от блокнота и, подняв глаза на Захарию, споткнулась об его изучающий взгляд.

– О чем вы думаете, мисс Хилл?

– О какао, – честно ответила она. Сделка есть сделка. «И пирожных! – мысленно добавила Габриэлла. – Полуправда – тоже правда». В своих маленьких женских слабостях признаваться ох, как не хотелось!

– Я думал, вы не любите только овсянку. – Он уже поднял трубку телефона, чтобы приказать поменять напитки, когда Габриэлла быстро произнесла:

– Пусть будет чай, давайте продолжим. – Она демонстративно поднесла чашку к губам и сделала маленький глоток.

– Когда в 1921 году в Эйджвотере случился пожар и погибла леди Гленерван, ее муж Рональд не прожил и двух недель после случившегося. Обширный инфаркт. Говорят, он очень любил супругу. У них не было детей, и мой прапрадед, ближайший родственник по мужской

линии, унаследовал землю и поместье. Рональд четко прописал в завещании пункт о наследовании поместья – владеть Эйджвотер-Холлом может только мужчина.

– Мистер Денвер, именно смерть леди Гленерван породила много слухов и загадок. Вы верите, что ее смерть – не роковая случайность?

– В Корнуолле может быть все, – загадочно начал Захария. – Ровена была потрясающей красавицей, и я знаю об этом не понаслышке, ее портрет сохранился и находится в особняке. А ее муж, по слухам, был страшным ревнивцем. В архивах, которые достались моему прапрадеду, были упоминания о сестре Рональда. Она была вдовой и часто гостила в поместье брата. Поговаривали, что она не любила леди Гленерван и всячески наговаривала на нее. Возможно, ее наговоры возымели действие, и лорд Гленерван в приступе ревности запер супругу в любимом салоне, где она принимала гостей, устраивала чаепитие, а затем поджег его. Но это всего лишь легенды и домыслы, которыми обрастают все трагические истории. – Захария пожал плечами, что означало – правды в этой истории уже не найти.

– Почему ни ваш отец, ни вы не восстановили восточное крыло? Вы верите, что там обитает не упокоившийся призрак Ровены Гленерван?

– Я не верю в паранормальную чушь. Я верю только своим глазам, а они никаких духов не видели. А крыло... – Он на секунду задумался. – Эту часть особняка отец считал семейным достоянием, и я с ним согласен. Дом и без того большой, пока нам не нужны дополнительные комнаты, возможно, когда-нибудь я и отстрою его заново.

Габриэлла замолчала, обдумывая следующий вопрос. Ей было интересно, почему мужчина, обладавший внушительными материальными возможностями, не обделенный талантами и умом, и достаточно привлекательный внешне...

«Нет, не так, – оборвала она свою мысль. – Чертовски привлекательный внешне!»

Которого с полной уверенностью можно назвать одним из самых завидных холостяков Великобритании, до сих пор не женат?

– Мистер Денвер, вы были женаты? – решила на довольно-таки личный вопрос Габриэлла. Но они заключили сделку, и по ее условиям она может спрашивать о чем угодно. А отвечать или нет, пусть сам решает.

– Это интересно знать лично вам, мисс Хилл, или читателям? – тон Захарии стал резче, а пальцы, до этого лениво рисовавшие невидимый узор на столе, сплелись в замок.

– Вы говорили, что я могу задавать любые вопросы. Мне нужно узнать вас лучше, чтобы достоверно передать образ, – спокойно ответила Габриэлла.

– Хорошо, давайте познакомимся поближе. Кто ваши родители, мисс Хилл? – достаточно агрессивно начал он. – У вас весьма незаурядная внешность. Занятое сочетание бледной кожи и светлых глаз с угольно-черными волосами. Они ведь натуральные, таких не наследуют от... – он слегка замялся, подбирая правильное слово, – от среднестатистических американцев, – вполне корректно закончил Захария.

– От белых, вы хотели сказать? – ошетинулась Габриэлла. – Так вот, мистер Денвер, у моей матери были индейские корни, а отец родился в Бремене. И да, вы правы, их сложно назвать среднестатистическими американцами.

– Немец и индианка – очень интересно, – задумчиво протянул он.

Габриэлла сложила руки на столе и подалась корпусом вперед, чтобы оказаться ближе к нему, вторгнуться в личное пространство.

– Что, мистер Денвер, мои волосы для вас оказались слишком черными?

– Вы обвиняете меня в расизме? – изумленно спросил Захария.

– С такой внешностью, как ваша, можно придерживаться крайних взглядов в отношении равенства рас.

– Мисс Хилл, у меня много недостатков, но этот в их число не входит.

– А если к вам на работу придет устраиваться чистокровный англичанин и, скажем, азиат, кого вы возьмете? – быстро проговорила Габриэлла.

– Если они будут одинаково компетентны, я не задумываясь возьму англичанина, – отозвался Захария, но заметив ее осуждающий взгляд, напрягся.

– Черт возьми, – тихо начал он, – я имею право выбирать себе окружение, но это не значит, что я не сяду за один стол с кем-то, чьи волосы, глаза или кожа будут отличаться от моих. – Договорив, он откинулся на спинку кресла и замер. Они оба вспыхнули и теперь оба молчали.

– Уже поздно, мисс Хилл, пора заканчивать. – Захария первый нарушил повисшую в кабинете тишину. Габриэлла поднялась и, пожелав доброй ночи, направилась к выходу.

– Мисс Хилл, я не хотел вас обидеть и да, я был женат.

Она обернулась и произнесла:

– Я не должна была спрашивать, простите.

– Спокойной ночи, мисс Хилл.

Глава 7. Откровенность за откровенность

Следующие несколько дней Габриэлла встречалась с мистером Денвером исключительно за приемами пищи. Он был очень занят, и даже такое важное для их семьи событие, как пятичасовое чаепитие, неизменно проводил в кабинете, на что постоянно досадливо сетовала миссис Крэмвелл. Она, как ярый приверженец добрых английских традиций, не могла взять в толк, почему любимый племянник, столь вопиющим образом нарушает этикет, да и вообще редко одаривает их вниманием. На что Захария, не отрываясь от документов и телефона, лишь щелкал пальцами, приказывая вездесущему Оливеру подавать напитки непосредственно в кабинет.

Габриэлла же все свободное время проводила в спальне: расшифровывала записи с диктофона, разбиралась в пометках, хаотично оставленных в блокноте, набрасывала черновой вариант будущей книги. Записи беседы с Самюэлем Митчеллом она решила оставить на потом. Утвердить версию для печати он не сможет, поэтому здесь была полная творческая свобода. Но могли появиться родственники и подать в суд за использование его имени в официальном издании без их одобрения. Так что для начала нужно будет вернуться в Чикаго, найти информацию о его семье, а после уже действовать по обстоятельствам.

Габриэлла громко вздохнула и подумала о Захарии Денвере. С частью книги, посвященной ему, было непросто. Они, конечно, договорились, что в печать пойдет вся информация, которую она получит лично от него, но то, как Габриэлла преподнесет ее, обсуждалось более чем придирчиво. Она заверяла, что передаст образ, максимально приблизив его к оригиналу, но Захария не собирался полагаться исключительно на ее слово и уведомил своего пресс-секретаря о предстоящей работе.

Габриэлла не успела и глазом моргнуть, а вернее, главу дописать, как ей позвонила некая мисс Берч. Она весьма корректно сообщила, что вариант для публикации будет ждать у себя на электронной почте, но между строк так и сквозило, что шутить с ней не следует и любая попытка протащить что-то компрометирующее или порочащее светлый образ ее босса будет жестко пресекаться.

Раздумья прервала звонкая телефонная трель, неожиданно громко прозвучавшая в тишине спальни. Отбросив изрядно искусанный карандаш, Габриэлла не стала обходить огромную кровать, а, упав сверху, сорвала трубку.

– Мисс Хилл, – послышалось на другом конце провода, – я прискорбно мало уделял вам внимания последние несколько дней. Не хотите прогуляться? – Голос глубокий, чуть с хрипотцой, будто он только проснулся. «Ох, уж этот голос!» – подумала Габриэлла.

– С удовольствием, мистер Денвер! – Она и сама собиралась пройтись по поместью. После фиаско с исследованием лабиринта прошло не так уж много времени, но Габриэлла успела благополучно позабыть все свои страхи. В уюте и безопасности лабиринт больше не казался опасным и запутанным, а особняк – ожившим чудовищем, готовым в любой момент проглотить ее, как букашку.

– Через полчаса жду вас у входа. Оденьтесь потеплее. – Захария повесил трубку, а Габриэлла еще некоторое время слушала короткие гудки, раздумывая, куда они пойдут и нужно ли брать с собой диктофон?

В назначенное время она спустилась в холл, но, кроме дворецкого, там никого не было. Но тот, как оказалось, ждал именно ее.

– Мисс Хилл, мистер Денвер ожидает вас во дворе

– Спасибо, Оливер! – Габриэлла прошла мимо и распахнула тяжелую парадную дверь.

На улице было свежо и достаточно сухо, а на небе, что удивительно, ярко светило солнце. Еще с утра все вокруг было затянуто серой хмарью, и вот-вот должен был начаться дождь.

Но хвала порывистому морскому ветру, разрезавшему плотные тучи и выпустившему на волю солнечный свет.

Во дворе ждал Захария. Он разговаривал с каким-то мужчиной, по виду напоминавшим охранника, небрежно облокотившись на кузов шикарного двухдверного Астон Мартина. Из представшей картины Габриэлла сделала два вывода: что гулять они явно будут не по поместью и что мистер Денвер неплохо выглядит в джинсах.

– Мисс Хилл, я в который раз удивляюсь вашей образцовой пунктуальности. – Захария кивнул мужчине и распахнул дверь автомобиля. Габриэлла спустилась по ступенькам и, оставившись возле него, не смогла удержаться от комментария.

– Вы – патриот, мистер Денвер, любите все английское?

– Кое-что я люблю американское.

– Что например? – присаживаясь на сиденье, поинтересовалась она.

– Кино, – ответил Захария и захлопнул дверь.

Чуть больше двух часов по узким дорогам Корнуолла, и Габриэлла оказалась в самой южной части острова – на мысе Лизард. В пути они пару раз перекинулись ничего незначительными фразами. Захария по большей части молча смотрел на дорогу, а она, решив не докучать вопросами, просто любовалась открывавшимися видами. Место, куда они направлялись, ни о чем Габриэлле не говорило, но мистер Денвер, настолько туманно, загадочно и невероятно интригуяюще его описал, что она замерла в ожидании еще одного корнуоллского чуда.

Если вы, мисс Хилл, действительно очарованы спокойной красотой Корнуолла, то я не могу не показать вам, что этот край не так уж спокоен, а его мягкость крайне обманчива.

И в этом Габриэлла убедилась на собственном опыте. Шквалистый ледяной ветер, буквально сбивавший с ног, обрушился на них, стоило выйти из машины. Он сбрасывал подбитый мехом капюшон, продувал насквозь и оседал навязчивыми мурашками на коже, но вид, открывавшийся на бескрайний бушующий пролив, того стоил.

Здесь не было ни магазинов, ни ресторанов, ни даже рыбацких лодок, только острые голые скалы и невероятная мощь стихии. Могучие пенистые волны с оглушительным ревом набрасывались на каменистый берег, а соленые брызги взлетали высоко вверх. Захария рассказывал, что для моряков мыс Лизард в свое время был очень опасным местом. Множество кораблей налетали на его берега и разбивались о скалы. Местные жители, промышленявшие пиратством, выходили на берег и собирали грузы с потонувших кораблей, а иногда при помощи фонариков и вовсе заманивали суда на смерть.

Суровая первозданная красота – именно эти слова наиболее точно характеризовали самую южную точку Британии в это время года. Зато летом эти крутые берега сплошь покрывал ковер из яркого вереска, а солнце ослепительными бликами играло на голубой толще воды. Тогда эти места становились притягательно-романтичными и навевали мысли о сказочной любви.

– Мисс Хилл, ветер усиливается, пора уезжать, – заметив дрожащие пальцы Габриэллы, сказал Захария. – Давайте заедем в Руан-Майнор, я угощу вас кофе, и мы немного поговорим.

Руан-Майнор, находившийся совсем рядом с мысом Лизард, был таким же очаровательным и дружелюбным, как и все маленькие прибрежные городки Корнуолла. Светлые каменные домики, небольшие частные гостиницы, аутентичные магазины и традиционные пабы.

Летняя веранда уютного рыбного ресторанчика, в который они зашли, хоть и была застеклена, но теплом не сильно баловала, заставляя Габриэлла вздрагивать от одной мысли обосноваться здесь. Но шум волн и живописный вид на маяк, вкупе с мягкими шерстяными пледами и ароматом свежей выпечки, сломили сопротивление, и она позволила усадить себя в уютное плетеное кресло.

Габриэлла, закутавшись в плед, обхватила пальцами дымящуюся чашку с кофе и с каждым новым глотком ощущала, как по телу расползается легкое теплое покалывание. Только сейчас, вливая в себя горячую жидкость, она поняла, как в действительности замерзла. За время, проведенное в Эйджвотер-Холле, Габриэлла либо успела позабыть, каким свирепым и холодным может быть ветер в ноябре, либо совершенно размякла от размеренной и спокойной жизни в Корнуолле вообще и в поместье Денверов в частности.

Габриэлла пила капучино и смотрела в огромное окно на темнеющие воды пролива, иногда бросая взгляды на Захарию, сидевшего напротив. Голода она не испытывала, поэтому никакого интереса к выбору блюд не проявляла, зато выдержка ее сегодняшнего спутника поражала и отвлекала от созерцания морских красот. Она бросила взгляд на обслуживающую их девушку, представившуюся Кендис, и отметила, что обертка у этой конфетки слегка вскрыта. Две крошечные верхние пуговицы на белой блузке бессовестным, но, наверняка, совершенно случайным образом были расстегнуты, и даже она, Габриэлла, несколько раз неосознанно останавливала взгляд на весьма аппетитных формах, а вот Захария ни разу не опустил глаз ниже лица девушки. Когда официантка отошла от их столика, Габриэлла проводила ее глазами и, повернувшись обратно, столкнулась с насмешливым взглядом Захарии.

– Мисс Хилл, даже не знаю, смогу ли я теперь чем-нибудь привлечь ваше внимание?

– Простите, я, когда думаю, всегда цепляюсь взглядом за что-нибудь выдающееся.

– Хорошая привычка, – кивнул он. – Вам не холодно? Не прошу себе, если прогулки со мной доведут вас до больницы.

– Уже нет. Я живу в Чикаго, мистер Денвер, а его не просто так называли городом ветров.

– Отлично. – улыбнувшись одними уголками губ, Захария взял в руки крошечную чашечку с эспрессо и заговорил: – Боюсь сегодняшний вечер нам с вами снова не удастся провести вместе. – Габриэлла удивленно вскинула брови. Это звучало так, будто у них не деловая беседа, а свидание. – Ко мне приезжают гости на все выходные, так, ничего особенного, несколько друзей. Я надеюсь, вы не против компании?

– Я вся ваша, мистер Денвер, – в тон ему, так же двусмысленно ответила она.

– Мечты имеют свойство сбываться, мисс Хилл, – тихо, без тени былой иронии произнес Захария. Подошедшая официантка с большим блюдом морепродуктов в одной руке и ароматным хрустящим хлебом в другой избавила Габриэлла от необходимости комментировать его реплику.

– Мисс Хилл, – после непродолжительного молчания начал Захария, – у нас с вами есть еще время, и, я предлагаю, побеседовать прямо здесь, в неформальной обстановке. Уберите диктофон, – махнул он в сторону звякнувшего о стол черного устройства. – Я уверен, у вас прекрасная память.

– Мистер Денвер, расскажите, каким должен быть тот или иной экспонат, чтобы попасть в вашу коллекцию? Ведь на земле много дорогих и редких вещей, но вряд ли вы стремитесь обладать всеми. Что вас привлекает? И можно ли коллекционирование назвать делом вкуса?

– Моя коллекция весьма разнообразна и сочетает в себе различные редкие экземпляры, как произведения искусства и историко-культурные ценности, так и знаковые достижения технического прогресса и даже объекты природы. Но я действительно не ставлю перед собой столь амбициозной задачи – обладать всем. Уникальность, красота и история – вот что меня привлекает. Редкий экземпляр того или иного рода, не несущий в себе бремя прошлого, всего лишь вещь, пусть очень дорогая и красивая, но абсолютно неинтересная для меня. Вспомните Ван Гога: отторжение публикой, последующее безумие, лечение в психиатрической клинике, в которой за год он написал более ста пятидесяти полотен, прославивших его на века. Согласитесь, невероятная жизнь этого великого художника, добавила его картинам поразительный эмоциональный окрас, наполнила уникальной историей и одарила изюминкой.

Он прервался на секунду и, сделав глоток, улыбнулся.

– А что на счет вкусов, мисс Хилл, то здесь я могу говорить только за себя. Для меня коллекционирование – это страсть, глубокое увлечение. Поэтому, я могу назвать это делом вкуса. К примеру, в живописи я не приемлю для себя поп-арт и сюрреализм, я могу оценить, полюбоваться картиной, но не полюбить.

– «Мартис» проводит по всему миру ежегодно около тысячи аукционов с оборотом около двух миллиардов долларов. Как вам удается обеспечивать количественную наполненность аукциона, не теряя в статусе и эксклюзивности представленных лотов? Ваши сотрудники постоянно путешествуют по миру в поисках редких экспонатов, или люди сами приносят вам достойные своего рода, чтобы вы превратили его в условные единицы?

Захария засмеялся и покачал головой.

– Сколько предположений. А вы утверждали, что мало обо мне знаете! Вы так любопытны, мисс Хилл и, как я успел заметить, интересуетесь не только моим увлечением предметами старины и искусства, но и работой. Но теперь моя очередь задавать вопросы. Сколько времени у вас не было любовника?

Габриэлла настолько опешила от такого личного и абсолютно выбивающегося из контекста вопроса, что только огромным усилием воли смогла проглотить застрявший в горле кофе, не выплюнув его прямо на стол.

– Это не ваше дело, – холодно отчеканила она.

Захария оторвал кусочек хлеба и, покрутив в руке, ответил:

– Тогда, мисс Хилл, наша беседа с вами окончена.

Габриэлла откинулась на спинку кресла и какое-то время просто молчала, взвешивая свой ответ. Значит ли для нее этот вопрос так много? Готова ли она бросить задуманное из-за обычной цифры?

– Год или около того, точно не помню.

– У меня в компании работают квалифицированные люди, задача которых находить, оценивать и продавать. Наш каталог на один аукцион обычно состоит из крупных стрингов, объединенных схожими характеристиками, однородных лотов и уникальных товаров, представленных как самостоятельная единица купли-продажи.

– Вы, мистер Денвер, мастерски умеете уходить от прямых ответов. Подлинность определяется только вашими экспертами, или также регулируется аукционной комиссией из вне?

– Мы не выставаем на торги подделки, если вы об этом, – небрежно бросил Захария. – Мисс Хилл, каковы причины вашего сексуального одиночества?

– Что-то не сезон был! – не сдержавшись, язвительно ответила Габриэлла.

– Ответьте, мисс Хилл, а я отвечу на ваш вопрос предельно откровенно.

– Неудачный любовный опыт и последующее полное погружение в работу, такой ответ вас устраивает? Извините, но если вы думаете, что я буду перед вами душу изливать, то наша беседа действительно закончена.

– Хорошо, задавайте свой вопрос, – перестав играть в гляделки, бросил Захария.

– Я уже задала.

– Нет, задайте тот, который мучает вас с нашего расставания в Чикаго.

– Почему вы пригласили меня к себе? И не говорите, что вас интересует тема моей книги.

– Может быть, вы мне понравились, или мне просто скучно, – лениво протянул он. Габриэлла закусила губу, показывая тем самым, что не верит ни единому слову и по-прежнему ждет откровенного ответа. – Хотел узнать, что рассказывал вам Митчелл и что вы знаете о Ибелине.

– Хотели? Сейчас уже не хотите?

– Сейчас я знаю, что вы ничего не знаете, и просто наслаждаюсь общением с вами.

– У вас своеобразный способ получать наслаждение от общения. Вы всем задаете подобного рода вопросы?

– Извините за бестактность, но мы так плохо знаем друг друга, а эта поездка вообще и некоторые вопросы в частности дали мне некоторое представление о вашей личности.

– Можно узнать какое?

– Вы язвительны, умны и крайне недоверчивы. Ради своей цели готовы поступиться многим, но не всем. А вы, мисс Хилл, сделали какие-нибудь выводы?

– Сделала. – Его губы изогнулись в легкой улыбке, поощряя к продолжению. – Вы настойчивый, самоуверенный, высокомерный, но в меру. Готовы выслушать чужое мнение, но единственно правильным считаете только свое.

– Вы забыли упомянуть о моей мужской привлекательности, – очень серьезно добавил он.

Габриэлла скептически посмотрела на него, обдумывая очередной едкий ответ, но звонок мобильного телефона прервал их словесную дуэль. Захария извинился и ответил. А Габриэлла в очередной раз подивилась, как он умудрялся сочетать качества истинного джентльмена и вопиющую бесцеремонность.

– Мисс Хилл, к сожалению, нам придется прервать нашу занимательную беседу. Начинаят собираться гости, боюсь, нам пора возвращаться. – Он сделал знак официантке принести счет, а Габриэлла, тем временем, достала кредитку и бросила на стол. На деловых обедах она принципиально платила за себя сама и этот не собиралась делать исключением.

– Уберите деньги, мисс Хилл. Вы моя гостья и этим, – Захария одним пальцем подтолкнул к ней карту, – оскорбляете мое мужское самолюбие.

– Мистер Денвер, я никоим образом не желаю вас оскорбить, но это, – она таким же маневром вернула кредитку на место, – моя официальная позиция. Я гостья в вашем доме, но сейчас мы в ресторане, и у нас не свидание, чтобы вы брали ответственность за мой кофе.

– Я по-другому воспитан, и если вам будет легче от этого, считайте, что у нас свидание. – Чтобы прекратить споры, он не стал дожидаться счета, а просто бросил на стол наличные и подал Габриэлле руку.

Глава 8. Скромный светский раут

Эйджвотер-Холл действительно заметно ожил и засуетился. Когда Габриэлла с Захарией вошли в дом, то сразу же столкнулись с миссис Грин усердно муштровавшей женскую прислугу, а миссис Крэмвелл серьезно и очень громко обсуждала с Оливером сорта вин, которые лучше подойдут к ужину.

– Закари, почему ты не предупредил нас о гостях? Стивен прибыл так неожиданно, мы совершенно не подготовлены! – Элизабет в притворном ужасе всплеснула руками.

Габриэлла слегка повернулась к застывшему Захарии и прошептала:

– Маленький междусобойчик с несколькими друзьями? Мне кажется, Элизабет готовится к войне!

– Не обращайтесь внимания, моя любимая тетушка всегда такая. Она и к вашему приезду велела освежить обстановку в гостевой спальне, – ответил Захария шепотом и громче добавил: – Элизабет, я думаю Стив переживет нашу неподготовленность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.